

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

ЯНВАРЬ.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
Вновь открытыя строфы его романа «Евгеній Онегинъ». Путешествіе Онегина. Сообщ. акад. А. Ф. Бычковъ. 231	VII. Россія и Финляндія. Историческій очеркъ, 1721—1809—1887 гг. Гл. I—II. 109
II. 8-е сентября 1862 г. Изъ воспоминаній сов. епископа. 1	VIII. Въ странахъ Средней Азіи. Путевыя впечатанія г. Мозера, 1868—1883 гг. Перев. В. В. Тимощукъ. Гл. I—IV 137
III. Алексѣй Дмитриевичъ Галаховъ:
1. О подражательности нашихъ первоклассныхъ постовъ. — 2. Автобиографическая замѣтка и перечень главнѣйшихъ трудовъ А. Д. Галахова. 17	IX. Разказы Прасковьи Егоровны Амминой, рожденной Габль (Gueuble), род. 1800, † 1876. Гл. I—III. 169
IV. Смыслъ и заочинныя въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Исторія. очеркъ. Гл. XIV. Сост. М. А. Колячинъ 37	X. Рущунскій отрядъ въ 1877—1878 гг. Историческій очеркъ. Гл. I—II. 199
V. Воспоминанія о голодѣ на сѣверѣ Россіи въ 1868 г. Гл. I—IV 63	XI. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, столѣтняя годовщина его рожденія, 1787—1887 гг. 261
VI. Записки Д. М. Ростиславова, проф. слѣб. духовн. академіи о бѣдѣ духовенства. Гл. XXII 87	XII. Историческіе документы, замѣтки и стихотв.: Московская старина (108).—Вас. Львовичъ Пушкинъ и кн. Шадиновъ (136).—Первая городск. читальня въ слѣб. (265).—Поэтъ К. К. Р. (168 и 259).
	XIII. Библиографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Михаила Григорьевича Черилева.—II. Портретъ Генриха Мозера.—III. Рисунокъ: сартекая женщина.—IV. Рисунокъ: Ауль киргизскій.—V. Карта дѣйствій Рущунскаго отряда въ 1877—1878 гг.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

☛ Все изданіе «Русской Старины» изд 1887 г. разошлось сполна.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

I-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го января 1888 г.

ТН. СИРАПЕТ

МИХАИЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЯЕВЪ.
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.
1883 г.

ВЪ СТРАНАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера

1882—1883 гг.

Въ концѣ іюля мѣсяца 1887 года, въ бытность нашу въ Швейцаріи, между прочимъ въ Люцернѣ, мы, осматривая различныя достопримѣчательности этого прелестнаго города, посѣтили бывшую тамъ выставку различныхъ произведеній средне-азиатскихъ странъ. Выставка занимала два довольно большіе зала и привлекала къ себѣ путешественниковъ, которые въ это время обыкновенно толпятся въ Люцернѣ. Выставлено было много весьма интересныхъ и хорошихъ предметовъ средне-азиатскаго быта.

Тутъ мы видѣли всевозможные ковры, драгоценное оружіе, различныя одежды мужчинъ и женщинъ, книги, обувь, монеты, сосуды, предметы произрастеній и множество весьма хорошо выполненныхъ фотографическихъ снимковъ съ городовъ, селеній, кочевовъ, каравановъ, зданій, памятниковъ, типовъ разныхъ народностей и проч., и проч.

Тутъ же продавалось, отлично отпечатанное, роскошное изданіе на французскомъ языкѣ, съ 170 гравюрами, 16 геліотипіями и большою картою, книга, изданная въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: „A travers l'Asie Centrale. La steppe Kirghise—le Turkestan Russe — Boukhara—Khiva—le pays des turcomans et la Perse.—Impressions de voyage par Henri Moser“. Издано у E. Plon въ Парижѣ, въ 6. 8 д., 464 стр. Книга вышла въ свѣтъ въ ноябрѣ 1885 года.

Книга посвящена „Его превосходительству генералъ-лейтенанту Михаилу Григорьевичу Чернаеву, какъ знакъ признательности“.

Мы поспѣшили приобрести это роскошное изданіе и быстро заинтересовались оживленнымъ, вполне интереснымъ, искреннимъ рассказомъ Генриха Мозера; ему же принадлежало и все собраніе имъ вывезенныхъ предметовъ средне-азиатскаго быта, торговли и промышленности, собраніе которыхъ мы видѣли на выставкѣ въ г. Люцернѣ.

Оставя Люцернъ, мы проѣхали въ г. Шафгаузенъ; здѣсь, въ роскошномъ Швейцарскомъ отелѣ (Швейцергофъ) имѣли истинное удовольствіе встрѣтиться и хорошо познакомиться съ Генрихомъ Мозеромъ, который и былъ самымъ любезнымъ и просвѣщеннымъ спутникомъ нашимъ при обзорѣнн достопримѣчательностей весьма интереснаго города Шафгаузена, главнаго города кантона того же имени.

Вотъ нѣсколько главнѣйшихъ данныхъ изъ біографіи этого швейцарскаго путешественника.

Генрихъ Мозеръ родился 18-го мая 1814 года въ Петербургѣ. Отцемъ его былъ знаменитый въ Петербургѣ часовой мастеръ, владѣлецъ одного изъ самыхъ лучшихъ часовыхъ магазиновъ въ русской столицѣ. Генрихъ Мозеръ-отецъ нажилъ себѣ въ Россіи многіе милліоны рублей своимъ искусствомъ часовщика и мастерствомъ своихъ произведеній и торговли.

Пятилѣтнимъ мальчикомъ Генрихъ Мозеръ-сынъ былъ отправленъ отцомъ въ Швейцарію, въ родной городокъ этой фамиліи—Шафгаузенъ, гдѣ послѣдовательно прошелъ онъ курсъ начальной школы, затѣмъ реальной и классической гимназіи. Степень бакалавра Генрихъ Мозеръ получилъ въ Женевѣ. Послѣ того поступилъ онъ на службу въ швейцарскую кавалерію, имѣлъ чинъ поручика волонеровъ (1863 г.), былъ адъютантомъ главнаго инспектора всей швейцарской арміи (1864 г.). Затѣмъ, выйдя въ отставку, вернулся въ Россію (1865 г.).

Къ верстаку часоваго мастера онъ не имѣлъ ни малѣйшаго влеченія, равно какъ вообще ко всей промышленности и торговлѣ своего отца. Въ Генрихѣ Мозерѣ-сынѣ весьма рано развилась страсть къ путешествіямъ и вотъ въ 1867 г. онъ ѣдетъ въ Сибирь; въ 1868 г. совершаетъ первое путешествіе въ Центральную Азію; въ 1869 г. дѣлаетъ второе путешествіе, изъ котораго въ 1871 г. возвращается въ Европу; затѣмъ въ 1882—1883 гг. совершаетъ третье путешествіе въ Центральную Азію и сообщаетъ свои путевыя впечатлѣнія въ цѣломъ рядѣ бойко набросанныхъ, весьма интересныхъ, очерковъ, напечатанныхъ въ женевской газетѣ въ 1885 г. Эти письма, вновь пересмотрѣнныя и обработанныя Генрихомъ Мозеромъ, были изданы въ вышеупомянутомъ роскошномъ иллюстрированномъ изданіи въ Парижѣ, у Плона, въ ноябрѣ того же года.

Кромѣ названной книги, г. Мозеру принадлежатъ статьи по политической экономіи и по вопросамъ о внѣшней торговлѣ, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ французскихъ журналахъ, газетахъ и отдѣльными брошюрами.

Въ одномъ изъ засѣданій географическаго общества въ Парижѣ, членомъ котораго г. Мозеръ состоитъ, было сдѣлано имъ подробное сообщеніе о его путешествіяхъ въ Азію.

Восемь географическихъ обществъ въ разныхъ городахъ избрали его своимъ почетнымъ членомъ; почетнымъ же членомъ онъ состоитъ въ швейцарскомъ обществѣ натуралистовъ.

Г. Мозеръ—высокій, стройный, сильный мужчина 43-хъ (въ 1867 г.) лѣтъ отъ роду, молодежавшей наружности, истинный джентльменъ въ своихъ приемахъ, вѣжливый, предупредительный, многосторонне образованный. Недавно онъ женился на весьма симпатичной, молодой своей племянницѣ, но важныя узмы Гименя не привязали его къ родному краю, Шафгаузену: мы нашли его уже, такъ сказать, почти наванунѣ отъѣзда изъ Швейцаріи.

Въ бытность нашу въ Шафгаузенѣ г. Мозеръ предназначилъ уже къ продажѣ свою прелестную виллу, доставшуюся ему отъ покойнаго отца, и, распродавъ всю свою движимость, онъ ожидалъ лишь послѣдняго момента продажи своихъ владѣній, чтобы оставить Швейцарію, а затѣмъ и Европу, и направиться въ Азію, съ тѣмъ, чтобы проѣхать (такъ онъ тогда, въ августѣ 1867 г., предполагалъ) черезъ русско-азиатскія владѣнія въ Индію.

Этотъ швейцарскій путешественникъ хорошо понимаетъ по русски, но почти по русски не говоритъ; онъ горячо любитъ Россію и русскій народъ. Нашъ знаменитый путешественникъ Н. М. Пржевальскій считается г. Мозеромъ идеаломъ всѣхъ путешественниковъ, „и физическія, и нравственныя качества г. Пржевальскаго какъ бы слились, по выраженію г. Мозера, въ ту форму, которая необходима для созданія самаго отличнаго путешественника. Въ самомъ дѣлѣ: сильный, здоровый, превосходный стрѣлокъ, добродушный, но въ то-же время твердый въ своихъ отношеніяхъ къ членамъ своей экспедиціи“, г. Пржевальскій привлекаетъ всѣ симпатіи г. Мозера.

— „А вотъ другое дѣло г. Стэнли“, говорилъ намъ Генрихъ Мозеръ, — „это сибаритъ, холодный эгоистъ, скряга, какіхъ мало, заботящійся всегда только объ обстановкѣ себя всевозможными удобствами и ни мало не дорожающій ни жизнью, ни интересами своихъ спутниковъ. Нерѣдко случается, это я хорошо знаю,—разсказывалъ намъ г. Мозеръ,—когда Стэнли утонаетъ во время путешествій въ роскоши и угощается лучшими консервами, запивая ихъ самыми тончайшими винами,—спутники его чуть не умираютъ съ голоду. Такимъ образомъ Стэнли—не Пржевальскій, который дѣлитъ послѣдній ломоть хлѣба съ товарищами своего путешествія, раздѣляетъ съ ними всѣ тяжести, всѣ иногда непомятые труды и всѣ опасности“.

Нравятся г. Мозеру французскіе путешественники: „ихъ обыкновенно называютъ авантюристами, но кто изъ заправскихъ путешественниковъ не суть авантюристы!“ Но за то удалъ, предприимчивость французовъ для г. Мозера вполнѣ увлекательныя.

Мы передали г. Мозеру о желаніи нашемъ сдѣлать извлеченіе изъ его книги на страницахъ „Русской Старины“. Швейцарскій путешественникъ,

принявъ это заявленіе съ величайшимъ удовольствіемъ, поспѣшилъ вамъ подарить экземпляръ своей книги, съ весьма любезнымъ автографомъ ¹⁾ и съ необыкновенною предупредительностью предложилъ намъ выбрать наиболѣе интересныя гравюры изъ тѣхъ, которыя помѣщены въ его книгѣ.

Мы выбрали десять гравюръ и онъ поспѣшилъ написать своему издателю въ Парижъ о высылкѣ въ редакцію „Русской Старины“ всѣхъ клише выбранныхъ нами портретовъ и политипажей.

Извлечения и разборъ книги г. Мозера сдѣланы нашею постоянною сотрудницею Вѣрою Васильевною Тимошукъ; клише гравюръ получены и отпечатаны, и все это являеся предъ читателями „Русской Старины“ на страницахъ нашего изданія.

Искреннѣйше благодаримъ почтеннаго г. Генриха Генриховича Мозера за его любезность, оказанную намъ нашему журналу, и горячо желаемъ ему полного успѣха и счастья въ его послѣдующихъ путешествіяхъ на пользу науки и ко благу человѣчества.

Печатавъ настоящій обзоръ книги г. Мозера въ „Русской Старинѣ“, мы обратились къ достоуважаемому генералу Михаилу Григорьевичу Черняеву, живущему въ Москвѣ, съ просьбою сообщить намъ свѣдѣнія о знакомствѣ его съ упомянутымъ путешественникомъ.

— „Г. Мозера я знаю настолько, любезно отвѣчалъ намъ отъ 30-го ноября 1887 г., между прочимъ. Михаилъ Григорьевичъ: — насколько можно узнать человека, пропутешествовавшего вмѣстѣ отъ Москвы до Ташкента и совмѣстно прожившаго мѣсяцъ въ одномъ домѣ, такъ какъ онъ имѣлъ помѣщеніе въ генераль-губернаторскомъ домѣ.

„Г. Мозеръ человекъ любознательный. Путешествовалъ онъ на свои средства, которыхъ у него было достаточно. Книгу его я прочиталъ, небылицъ въ ней не встрѣтилъ... Она имѣетъ интересъ, какъ картинное изображеніе современнаго нашего положенія въ Средней Азійи и сосѣднихъ ханствахъ. Онъ много натерпѣлся въ Мервскихъ пустыняхъ и издержалъ много денегъ, чтобы составить свою книгу“.

Мих. Семевскій.

¹⁾ Вотъ эта надпись автора на подаренномъ намъ экземплярѣ его книги: „A monsieur M. J. Semewsky. Cet essai litteraire m'a procuré le bonheur de Vous servir de cicerone à travers un pays aussi peu connu dans Votre patrie, que ne l'est l'Asie Centrale chez nous, puissiez Vous garder de la petite république et canton de Schaffhouse un aussi bon souvenir, que celui auquel est échu l'honneur de Vous servir de guide. Schaffhouse, 10 Août, 1887. H. Moser.“

СТРАНЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ВЪ ПУТЕВНЫХЪ ОЧЕРКАХЪ

Генриха Моера.

1883 г.

Въ концѣ 1885 г., у книгопродавца Плона, въ Парижѣ, появилось на французскомъ языкѣ весьма изящно изданное описаніе путешествія, совершеннаго швейцарцемъ г. Мозеромъ въ Туркестанскій край, Бухару, Хиву и Персію; отпечатанная въ количествѣ 4,000 экземпляровъ и разошедшаяся почти сполна, книга эта украшена многочисленными полиטיפажами, которые исполнены съ фотографій, святыхъ самимъ авторомъ во время путешествія, снабжена картою тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ, и посвящена генералу М. Г. Черняеву, при любезномъ содѣйствіи коего г. Мозеру удалось совершить это трудное путешествіе, за что онъ питаетъ къ генералу чувства живѣйшей и вполне искренней признательности и вспоминаетъ о немъ постоянно въ самыхъ теплыхъ и даже восторженныхъ выраженіяхъ. Задавшись исключительно цѣлью представить читателю картину тѣхъ мѣстъ, которыя онъ посѣтилъ, и описать нравы и обычаи разныхъ племенъ и народовъ, съ которыми ему удалось ознакомиться, авторъ нигдѣ не вдается въ область политики и не претендуетъ на научность изложенія, но сообщаетъ, между прочимъ, кое-какія историческія свѣдѣнія о завоеваніяхъ, совершенныхъ за послѣдніе годы русскими войсками въ Средней Азій, и рисуетъ прошлое этихъ странъ; рассказъ его вполне безприязнителенъ, мѣстами веселый, мѣстами дышащій грустью, смотря по удачамъ или невзгодамъ, испытаннымъ имъ во время странствованій, но за то всегда искренній и правдивый.

Вы не встрѣтите здѣсь выдуманныхъ происшествій, на которыя бывають такъ щедры иностранцы, говоря о Россіи; не найдете тутъ описаній какихъ либо героическихъ подвиговъ или чего либо необычайнаго; все рассказываемое авторомъ происходитъ просто и обыденно и невольно внушаетъ къ нему довѣріе и симпатію, а между тѣмъ его путешествіе и безъ прикрасъ было своего рода подвигомъ, такъ какъ онъ отважился предпринять его, располагая лишь самыми скудными средствами, и вторично, когда его матеріальное положеніе было вполне обезпечено, не задумался вновь оставить родину и всякіе денежныя

интересы и добровольно пошелъ на встрѣчу всевозможнымъ неудобствамъ, лишениямъ и даже опасностямъ, съ коими было сопряжено это путешествіе.

Для русской публики, и въ особенности для жителей нашей столицы, сочиненіе г. Мозера имѣетъ еще тотъ интересъ, что имя ея автора хорошо извѣстно всему Петербургу, гдѣ его отецъ, родомъ швейцарецъ, пріѣхавшій въ Россію съ живописныхъ береговъ Рейна, изъ г. Шафгаузена, содержалъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, на Невскомъ проспектѣ часовая магазинъ, которымъ онъ нажилъ себѣ миллионное состояніе; часовая фирма Мозера пользуется донинѣ вполне заслуженною извѣстностью.

Но сынъ трудолюбиваго швейцарца не захотѣлъ стать за верстаки отца, чѣмъ послѣдній былъ крайне недоволенъ, такъ что когда молодой Мозеръ заявилъ ему, въ 1868 г., о своемъ желаніи отправиться въ Среднюю Азію, то онъ отказалъ ему въ матеріальной поддержкѣ, думая удержать этимъ сына при себѣ и заставить его заняться своимъ ремесломъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ не остановилъ, однако, энергичнаго юношу, жаждавшаго испытать свои силы въ борьбѣ съ жизнью; онъ не побоялся пуститься въ дальній путь, имѣя въ карманѣ всего нѣсколько сотъ рублей, но за то съ богатымъ запасомъ энергіи и съ надеждою создать себѣ въ этихъ странахъ независимое положеніе личнымъ трудомъ.

Мы увидимъ, какъ плохо оправдались надежды молодаго путешественника, какъ много встрѣтилъ онъ неудачъ и препятствій къ осуществленію задуманнаго имъ дѣла, и какъ подъ вліяніемъ этихъ неудачъ остыла энергія и охладѣли его мечты; однако, неудовлетворенная любознательность и прежняя страсть къ путешествію, посянная въ немъ въ дѣтствѣ чтеніемъ книгъ, увлекли его вновь, черезъ 13 лѣтъ, въ тѣ страны Средней Азіи, которыя съ молодыхъ лѣтъ такъ занимали его воображеніе, и на этотъ разъ онъ встрѣтилъ полное сочувствіе и содѣйствіе со стороны русскихъ властей, въ особенности со стороны знаменитаго и достойнѣйшаго генерала Михаила Григорьевича Черняева.

Плодомъ этого втораго, болѣе продолжительнаго путешествія, и явилось то сочиненіе, о которомъ мы говоримъ; несомнѣннымъ достоинства этой книги побудили насъ обратить на нее вниманіе читателей и представить на стран. «Русской Старины», въ нашемъ извлеченіи, наиболѣе интересные эпизоды этого путешествія.

Вѣра Вас. Тимошукъ.

I

Въ 1868 г., имѣя всего 20 лѣтъ отъ роду, г. Мозеръ простился съ Петербургомъ и направился на востокъ, имѣя, какъ мы уже говорили, непреодолимое желаніе посѣтить только что приобретенныя Россіей земли въ Средней Азии. Изученіе языка и нравовъ киргизъ задержало его нѣсколько мѣсяцевъ въ Оренбургѣ; наконецъ, достаточно подготовившись къ путешествію и имѣя прекрасныя рекомендаціи, онъ вознамѣрился продолжать свой путь, но генераль Крыжановскій, тогдашній губернаторъ Оренбурга, рѣшительно отказалъ ему въ разрѣшеніи выѣхать изъ Оренбурга, безъ соизволенія на то военнаго министра, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Туркестанъ находился въ то время въ военномъ положеніи и поэтому не всё могли имѣть туда свободный доступъ.

Не желая терять времени въ ожиданіи разрѣшенія отъ министра, г. Мозеръ, подъ покровомъ темной ночи, оставилъ городъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ ему друзей, и избѣгая большаго караваннаго пути, изъ опасенія быть возвращеннымъ погоней отъ оренбургскаго владыки, останавливался лишь въ аулахъ кочевниковъ, гдѣ ему оказывали вездѣ гостепріимный приемъ, благодаря рекомендаціямъ, кони снабдили его нѣкоторые султаны въ Оренбургѣ. Путешествуя такимъ образомъ, онъ добрался въ четыре мѣсяца до Ташкента.

Генераль-губернаторъ Туркестанской области, ген. Кауфманъ, былъ окруженъ въ ту пору толпою молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, покинувшихъ Европу съ цѣлью стяжать себѣ славу или загладить нѣкоторые проступки, содѣланные на родинѣ, вслѣдствіе чего Ташкентъ получилъ названіе «Сибири гвардейскихъ кутиль», и жилось въ немъ, разумѣется, весело. Шампанское, не смотря на чудовищную цѣну, отъ 15 до 25 р. за бутылку, лилось рѣкою; дуэли между офицерами были не рѣдкостью, они затѣвали ихъ, чтобы поддержать въ себѣ воинственный духъ, ибо въ то время не было никакой экспедиціи, которая могла бы удовлетворить жажду дѣятельности, обуревавшую эту пылкую молодежь.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ташкентъ, кошелекъ нашего путешественника замѣтно опустѣлъ и ему надобно было подумать о томъ, чѣмъ бы заработать себѣ денегъ; ненавидя гарнизонную службу, онъ отказался отъ мысли поступить въ армію и занялся на первыхъ порахъ объѣздой степныхъ лошадей, которыхъ онъ продавалъ офицерамъ, но скорѣ знакомство съ однимъ итальянцемъ, пріѣхавшимъ въ Ташкентъ, открыло ему новый источникъ заработка.

Этотъ итальянецъ былъ торговцемъ сѣменами, прїѣхавшимъ въ Ташкентъ съ цѣлью прїобрѣсти яички шелковичнаго червя и доставить ихъ въ Италію, гдѣ болѣзнь производила большія опустошенія среди этихъ драгоцѣнныхъ насѣкомыхъ. Онъ обратилъ вниманіе г. Мозера на огромную будущность, которую могла имѣть эта вывозная торговля, такъ какъ яички этого червяка обходились въ Туркестанѣ по 1 франку унція, а въ странахъ зараженныхъ продавались по 25 франковъ. Съ этого момента г. Мозеръ занялся исключительно этимъ вопросомъ и составилъ статистическую таблицу распространенія шелковичнаго дерева въ Туркестанѣ.

«Съ этой цѣлью я проѣхалъ всю страну, говоритъ онъ, проникъ до Кокана и надѣялся добраться до Кашгара, но, къ сожалѣнію, это мнѣ не удалось, такъ какъ Якубъ-Бекъ, отважный татарскій искатель приключеній, образовавшій небольшое владѣніе въ западной части Китая, не допускалъ въ свою землю ни одного европейца. Итакъ я вернулся въ Ташкентъ, съ намѣреніемъ ѣхать обратно въ Европу для выполненія моихъ замысловъ.

«Генераль Кауфманъ отвесилъ къ моимъ планамъ сочувственно и, отпуская меня въ Россію, поручилъ мнѣ лично переговорить объ этомъ съ итальянскимъ посланникомъ, который уже неоднократно обращался къ нему съ предложеніемъ начать переговоры съ итальянскимъ правительствомъ, желавшимъ завязать торговыя сношенія съ Центральной Азіей.

«Въ итальянскомъ посольствѣ, въ С.-Петербургѣ, мнѣ былъ оказанъ весьма сочувственный прїемъ; лишь только я заявилъ о моихъ планахъ, ко мнѣ явился уполномоченный отъ итальянскаго правительства, которому было поручено вступить со мною въ переговоры для организаціи этой вывозной торговли на широкихъ основаніяхъ, но въ то же время я получилъ запросъ по этому поводу изъ азіатскаго департамента и мнѣ пришлось имѣть первое столкновеніе съ бывшимъ директоромъ этого департамента, который заявилъ мнѣ, что никакая международная сдѣлка между туркестанскимъ генераль-губернаторствомъ и европейскими государствами не можетъ быть заключена, безъ утвержденія этого департамента, и что въ настоящую минуту я могу считать мои хлопоты бесполезными и неудавшимися.

«Это свиданіе разрушало всѣ мои мечты, но такъ какъ въ молодости человѣкъ не легко отказывается отъ своихъ надеждъ, то я не унывалъ.

«Между тѣмъ, моими планами заинтересовался канцлеръ, кн. А. М. Горчаковъ, и мнѣ удалось доказать, на основаніи составленныхъ мною отчетовъ, что этотъ новый предметъ вывозной торговли могъ бы

САРТСКАЯ ЖЕНЩИНА.
1883 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1889 г.

приобрѣсти со временемъ огромное значеніе и что Центральная Азія будетъ въ состояніи доставлять ежегодно яичекъ шелковичнаго червя на 25 милліоновъ франковъ.

«Эти ли доводы или какая нибудь иная причина вызвали неожиданный поворотъ въ образѣ мыслей директора азіятскаго департамента; какъ бы то ни было, онъ вступилъ въ роль моего бывшаго покровителя, ген. Кауфмана, и командировалъ меня въ Италію, гдѣ мнѣ было поручено непосредственно вступить въ переговоры по этому предмету.

«По прїѣздѣ моемъ во Флоренцію, тамъ образовалось общество для закупки яичекъ, которыя я обязался доставлять изъ Туркестана; вступивъ въ компанію съ опытными торговцами, располагавшими значительными капиталами, я направился снова на Востокъ.

«Я и не подозревалъ, какой прїемъ ожидаетъ меня въ Ташкентѣ, куда я прїѣхалъ теперь въ качествѣ уполномоченнаго отъ азіятскаго департамента. Генералъ Кауфманъ принялъ меня довольно холодно и, услыжавъ о переговорахъ, веденныхъ мною въ Итали, его превосходительство объявилъ мнѣ, что онъ воспрещаетъ впредь вывозъ яичекъ шелковичнаго червя изъ Туркестана и что мнѣ остается возвратиться въ Петербургъ и объявить моимъ покровителямъ, что если они считаютъ себя всемогущими въ столицѣ, за то въ провинціи полновластнымъ хозяиномъ является онъ.

«Эта аудіенція навела меня на горестныя размышленія о суетѣ мірской, о единомысліи, существующемъ между русскими сановниками, и объ удивительномъ единодушіи, съ коимъ они трудятся на пользу общества!

«Однако, мнѣ оставалось еще одно средство для достиженія моей цѣли: это было письмо директора азіятскаго департамента къ дипломатическому агенту, состоявшему при генералѣ К. П. Кауфманѣ, котораго онъ просилъ оказать мнѣ содѣйствіе въ моемъ предпріятіи. Я ухватился за это средство. Г. Струве, бывший со мною въ очень хорошихъ отношеніяхъ, сдѣлалъ все возможное, чтобы примирить эти двѣ враждовавшія стороны, дѣлавшія мое положеніе до нельзя щекотливымъ. Къ счастью, въ то время снаряжалось посольство въ Бухару, отправленіе его было нѣсколько ускорено и мнѣ было официально объявлено, что я могу исполнить мои контракты, закупивъ требуемыя яички во владѣніяхъ эмира.

«Но за нѣсколько дней до нашего отъѣзда чрезвычайный посолъ, отправлявшійся въ Бухару, полковникъ N (кн. Витгенштейнъ?), обратился ко мнѣ приблизительно со слѣдующею рѣчью:

«— Любезный другъ, желая вамъ добра, я хочу дать вамъ добрый совѣтъ. Соберите ваши пожитки и покидайте сію волшебную

страну. Убъжайте, отказавшись отъ мысли уладить дѣло у насъ. Его пр—ство поручилъ мнѣ истолковать вамъ смыслъ письма, даннаго вамъ въ Ташкентѣ. Если на французскомъ языкѣ возможна игра словъ, то и на нашемъ языкѣ, подъ перомъ генерала, можетъ быть высказано много такого, что могло быть для васъ непонятнымъ; изъ этого письма вы заключили, конечно, что вы будете принадлежать къ составу нашего посольства, между тѣмъ, генераль приказалъ мнѣ объяснить вамъ его въ томъ смыслѣ, что вамъ предоставляется право отправиться въ Бухару, одновременно съ посольствомъ, не считаясь, однако, официально въ составъ этого посольства. Излишне было бы говорить, что если вы рискнете ѣхать въ эту страну при подобныхъ условіяхъ, то вамъ угрожаетъ участь тѣхъ трехъ итальянскихъ посланцевъ, которые пробыли 11 мѣсяцевъ въ плѣну у эмира, изъ коихъ одинъ умеръ отъ вынесенныхъ имъ страданій».

«Я пожалъ руку честному полковнику и на слѣдующій день, съ восходомъ солнца, отправился въ путь одинъ, конвоируемый нѣсколькими отважными уральскими казаками, которые согласились сопутствовать мнѣ за большое вознагражденіе».

Благополучно отдѣлавшись отъ нападенія фанатичной толпы, осадившей караванъ-сарай, въ которомъ онъ укрывался по пути, Мозеръ добрался до Бухары безъ особенныхъ приключеній и тутъ, по обыкновенію, былъ объявленъ плѣнникомъ эмира; но все же ему удалось сдѣлать необходимую закупку и по истеченіи положеннаго срока онъ бодро отправился въ обратный путь, во главѣ большаго каравана.

«Но бѣдствія мои этимъ не кончились, говоритъ авторъ, русскіе готовили мнѣ на своей границѣ пренеприятнѣйшій сюрпризъ: всѣ мои товары были конфискованы и я считалъ, что мнѣ лично настолько угрожала опасность, что я послѣшно направился въ степь, съ цѣлью пробраться въ Европу, глубоко возмущенный тѣмъ, какъ со мною тутъ поступили, и вдобавокъ совсѣмъ большой отъ усталости и лишеній».

Не смотря на столь неудачный результатъ этого перваго путешествія, Мозера постоянно преслѣдовало воспоминаніе о независимой жизни, которую онъ велъ во время этой экспедиціи, преисполненной опасностями и тревоженіями, но имѣвшей для него неотразимую прелесть; вотъ почему, тринадцать лѣтъ спустя, узнавъ о смерти генерала К. П. Кауфмана, онъ вновь возымѣлъ желаніе отправиться въ Среднюю Азію. Подобное путешествіе, со временъ извѣстнаго Марко Поло, совершилъ только одинъ европеецъ, именно венгерецъ Беженчей (Berzenzseu), который, выѣхавъ изъ Вѣрнаго въ 1874 г., достигъ Кашгара и Яркенда и пробрался оттуда въ Индію, но объ его путешествіи имѣется весьма мало свѣдѣній, такъ какъ онъ скончался вскорѣ по возвращеніи въ Европу.

Прежде чѣмъ отправиться въ путь, г. Мозеру надо было заручиться разрѣшеніемъ русскихъ властей; встрѣтивъ въ этомъ отношеніи на первыхъ порахъ нѣкоторыя затрудненія, онъ рѣшилъ обратиться къ туркестанскому генераль-губернатору, генералу М. Г. Черняеву, который долженъ былъ пріѣхать въ Москву на коронацію нынѣ благополучно царствующаго государя императора; заручившись рекомендательными письмами, г. Мозеръ явился къ нему, и съ первой же аудіенціи дальнѣйшая участь его путешествія была рѣшена.

— «Поѣзжайте, сказалъ ему генераль, вы сами увидите, удобно ли вамъ будетъ исполнить ваше намѣреніе, я же съ своей стороны готовъ оказать вамъ помощь во всемъ, что отъ меня будетъ зависѣть».

Ласковый пріемъ, оказанный Генриху Мозеру М. Г. Черняевымъ, пріятливое обращеніе и содѣйствіе, дѣйствительно оказанное генераломъ путешественнику, сдѣлали г. Мозера горячимъ поклонникомъ Михаила Григорьевича; вотъ какими чертами описываетъ онъ личность завоевателя Туркестана и впечатлѣніе, производимое имъ на окружающихъ.

«Генералу Черняеву 57 лѣтъ (1883 г.); у него чисто военная осанка, черты лица крупныя, взглядъ быстрый и властительный; необыкновенная доброта, въ соединеніи съ замѣчательной энергіей, составляютъ отличительныя черты его характера; у него есть время для всякаго просителя, онъ готовъ выслушать всякую просьбу. Эта доступность, эта врожденная пріятливость много содѣйствовали его популярности; доброе сердце М. Г. Черяева извѣстно въ арміи всякому, а его военные подвиги установили за нимъ славу человѣка храбраго, энергичнаго, хладнокровнаго, вообще превосходнаго боеваго генерала; своею извѣстностью и своему быстрому повышенію онъ обязанъ исключительно самому себѣ, прошедши всѣ ступени своей блестящей карьеры, не имѣя покровителя и пробивши себѣ дорогу исключительно своими собственными силами и обширными военными дарованіями¹⁾».

«Произведенный въ гвардейскіе офицеры въ 1845 г., Черняевъ отличился въ Крымскую войну, за что получилъ чинъ капитана, а въ 1859 г. былъ назначенъ главнымъ квартирмейстеромъ арміи въ Терскую область. Впослѣдствіи онъ занималъ мѣсто начальника штаба въ Оренбургѣ и, наконецъ, въ 1864 г., во главѣ отряда, стоявшаго въ Вѣрномъ, численностью въ 2,000 человѣкъ, устремился на покореніе

¹⁾ Прилагаемъ портретъ генерала М. Г. Черяева; клише гравюры весьма обязательно сообщено намъ авторомъ обозрѣваемой книги, равно какъ и прочіе девяти гравюръ, помѣщенныхъ дагѣ въ настоящемъ изложеніи его путешествія. См. „Русская Старина“ изд. 1888 г. книги январь, февраль и мартъ.

новой области, имѣя въ отрядѣ лишь 10 орудій, помнившихъ еще 1812 годъ. Первымъ его подвигомъ была побѣда подъ стѣнами Чимкента надъ арміей коканскаго хана, численностью въ 40,000 чел., бывшею подъ командою доблестнаго война Алымъ-Кулы. Дальнѣйшій путь Черняева, отъ Чимкента до Ташкента, составляетъ дѣлю эпопею; солдаты, терпя нужду въ продовольствіи, плохо одѣтые и вооруженные, шли по совершенно незнакомой мѣстности, какъ бы на открытіе Новаго Свѣта. Когда, наконецъ, Ташкентъ, ключъ всего Туркестана, былъ уже почти въ его рукахъ, Черняевъ получилъ неожиданно отъ военнаго министра приказаніе вернуться.

— «Я положилъ депешу въ карманъ и овладѣлъ Ташкентомъ», рассказывалъ намъ однажды генераль, когда намъ удалось добиться отъ него разсказа о нѣкоторыхъ эпизодахъ этого похода.

На другой день послѣ рѣшительной битвы подъ Ташкентомъ, въ которой былъ убитъ Алымъ-Куль, Черняевъ одинъ, безъ конвоя, отправился въ городъ, занятый его заклятыми врагами. Этимъ смѣлымъ поступкомъ онъ приобрѣлъ уваженіе туземцевъ, которые преклоняются передъ всѣмъ необычайнымъ и дѣйствующимъ на нихъ воображеніемъ.

«Эти военныя побѣды упрочили славу завоевателя Туркестана; о подвигахъ его войскъ сложились въ степи дѣлмы легенды, передаваемые до сихъ поръ (1885 г.) солдатами; даже туземцы прославляютъ его въ своихъ балладахъ, подъ именемъ Ширъ-Наина, что значить львоподобный.

«Столь блестящій походъ, столь быстрыя побѣды окончились для героя громовымъ ударомъ: онъ подвергся совершенной опалѣ, долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ и прожилъ въ безызвѣстности, при крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, дѣлмы двѣнадцать лѣтъ, т. е. до 1876 г., когда, въ качествѣ главнокомандующаго, онъ принялъ участіе въ Сербской войнѣ, а затѣмъ, по воцѣщеніи на престолъ нынѣ царствующаго Императора и со смертію генерала Кауфмана, вступилъ вновь въ отправленіе своихъ прежнихъ обязанностей.

«Вотъ въ силу какого сдѣленія обстоятельствъ, говоритъ Мозеръ, я имѣлъ счастье познакомиться въ то время съ этимъ генераломъ, образъ котораго постоянно занималъ мое воображеніе и коимъ я восхищался не столько за его подвиги, сколько за достоинство, съ какимъ онъ перенесъ постигшія его превратности судьбы».

II.

Итакъ, ободренный обѣщаніемъ ген. Черныяева, г. Мозерь сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовления къ поѣздкѣ и отправился въ Оренбургъ, гдѣ онъ долженъ былъ присоединиться къ свитѣ генерала. Отъ Оренбурга до Орска путь ихъ лежалъ по мѣстности, населенной оренбургскими казаками, за Орскомъ начиналась степь — мѣстожиительство киргизъ кочевниковъ, ихъ родина, которую они обожаютъ, воспѣвая ея своеобразныя прелести въ своихъ пѣсняхъ. Только въ безграничной степи киргизъ чувствуетъ себя счастливо и привольно, хотя въ этой степи ему нерѣдко приходится терпѣть страшный холодъ, въ особенности зимою во время бурана, который засыпаетъ иногда цѣлый караванъ ледянымъ покровомъ; но за то, кажется, нѣтъ въ мірѣ народа выносливѣе киргиза; не смотря на то, что климатъ степи весьма измѣнчивъ и температура колеблется между 30° Р. мороза зимою и 35° тепла лѣтомъ, ихъ зимняя одежда ничѣмъ не отличается отъ лѣтней и состоитъ круглый годъ изъ вышитыхъ кожаныхъ или бархатныхъ шароваръ, бешмета и халата, дѣлаемаго изъ бархата, шелка или бумажной ткани, смотря по состоянію. Голову они брѣютъ, прикрывая ее скуфейкой, сверхъ которой надѣваютъ высокую шапку на лисьемъ или овечьемъ мѣху. Одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ мужской; костюмъ замужней женщины, никогда не показывающей свои волосы, отличается огромнымъ бѣлымъ шарфомъ, которымъ онѣ окутываютъ голову и нижнюю часть лица. Волосы, составляющія лучшее украшеніе дѣвушекъ, заплетаются въ длинныя косы, которыя украшаютъ лентами и монетами, если же они не достаточно длинны, то въ нихъ искусно вплетаютъ конскій волосъ. Вышедши замужъ, киргизка отказывается отъ всякихъ удовольствій, не думаетъ болѣе о своемъ туалетѣ и предается исключительно заботамъ о домѣ и хозяйствѣ. Когда родится ребенокъ, мать усердно моетъ его въ теченіи 40 дней, послѣ чего онъ считается чистымъ и всю жизнь не нуждающимся въ омовеніи. До десятилѣтняго возраста костюмъ дѣтей обоего пола отличается величайшею простотою: родители считаютъ достаточнымъ брить дѣтямъ голову и тѣмъ ограничиваются всѣ заботы объ ихъ одеждѣ; они ходятъ голые круглый годъ. Хотя киргизы мусульмане, но въ одной и той же палаткѣ рѣдко можно встрѣтить двухъ женщинъ; богатые позволяютъ себѣ роскошь имѣть нѣсколько женъ, но держать ихъ въ разныхъ аулахъ, что въ случаѣ домашней ссоры даетъ имъ возможность искать утѣшенія возлѣ другой супруги.

Наибольшимъ почетомъ у киргизъ пользуется племя Адакъ, кочующее въ степяхъ между Каспійскимъ моремъ и владѣніями хивинскаго хана; это единственное племя, сохранившее доблесть и храбрость предковъ. Баранты или вооруженные набѣги не считаются у нихъ чѣмъ либо предосудительнымъ, но въ настоящее время русскіе всячески стараются внушить имъ, что эти прославленные баранты не что иное, какъ отъявленный грабежъ, строго наказуемый закономъ.

Киргизъ, сдѣлавшійся самымъ вѣрнымъ союзникомъ Россіи, честенъ, но далеко не такъ смѣлъ и отваженъ какъ туркменъ, за то онъ не такъ фальшивъ, какъ сартъ, гораздо менѣе его образованъ, и хотя мусульмаинъ, но отнюдь не можетъ быть названъ фаятикомъ, поэтому надобно видѣть съ какимъ пренебреженіемъ относится къ нему сартъ, считая киргиза немногимъ выше верблюда, съ которымъ тотъ появляется на городскихъ улицахъ и базарахъ.

Еще въ первую поѣздку въ Среднюю Азію, въ 1868 г., Мозеру удалось ознакомиться довольно близко съ бытомъ киргизъ, о которыхъ онъ много говоритъ въ своемъ сочиненіи; во время его остановки въ Оренбургѣ съ нимъ познакомился и очень привязался къ нему Сулейманъ султанъ, владѣтель Оренбургской степи. Видя, какъ усердно изучалъ путешественникъ киргизскій языкъ, онъ предложилъ ему посѣтить его аулъ и поохотиться въ его владѣніяхъ.

Въ киргизскомъ аулѣ г. Мозеръ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, въ юрту султана собралось множество его родственниковъ и послѣ обычныхъ привѣтствій и омовенія рукъ была подана баранина, мясо молодого откормленнаго жеребенка и мясо молодого верблюда, которое подается лишь въ торжественныхъ случаяхъ; эти блюда сопровождалась пилавомъ. Оставшись съ султаномъ наединѣ, Мозеръ угостилъ его, въ свою очередь, наливкой, послѣ чего хозяинъ сталъ еще радушнѣе и, желая оказать ему величайшую честь, какая можетъ выпасть на долю христіанна, познакомилъ его съ любимой своей супругой, Фатьмой, которая поразила гостя своею красотой и роскошнымъ нарядомъ; она охотно позволяла разсматривать себя и съ удовольствіемъ выслушивала комплименты, дѣлаемые ей европейцемъ.

Вернемся, однако, къ прерванному разсказу о путешествіи Мозера, котораго мы оставили по дорогѣ въ Орскъ. Караванъ, съ коимъ онъ ѣхалъ, состоялъ изъ пяти экипажей, запряженныхъ тройками; въ первой легкой дорожной коляскѣ ѣхалъ М. Г. Черняевъ, со своимъ адъютантомъ, кап. Алабинимъ; во второй — ген.-ад. кн. Витгенштейнъ, предложившій Мозеру мѣсто въ своей коляскѣ; въ третьей — полковникъ Серметъ, бывший военный уполномоченный при французскомъ посольствѣ въ С.-Петербурѣ, и полковникъ Рихтеръ, состо-

явѣшій при генераль-губернаторѣ; въ четвертой коляскѣ сидѣлъ ординарецъ генерала и его секретарь и, наконецъ, въ пятой везли багажъ. На всѣхъ станціяхъ атаманы казачьихъ селеній выходили, по большей части въ полной формѣ, на встрѣчу генераль-губернатору, и сами наблюдали за тѣмъ, какъ перепрягались лошади. Когда же караванъ миновалъ Орскъ, со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться любопытные киргизы, желавшіе взглянуть на проѣзжавшихъ властей. На протяженіи отъ Орска до Аральскаго моря находится всего лишь одинъ населенный форпостъ Иргизъ,—небольшое укрѣпленіе, выстроенное среди песковъ; за земляными окопами возвышается нѣсколько хижинъ, съ плоскими крышами, нѣсколько лавчонокъ и казармы; далѣе во всѣ стороны тянется безпредѣльная степь, безъ малѣйшаго признака растительности.

«За Иргизомъ мы вступили въ область зыбучихъ песковъ, говоритъ авторъ, въ которой имѣется всего три станціи и гдѣ лошади замѣняются уже верблюдами; скучный переѣздъ совершается съ убійственною медленностью; верблюды идутъ шагъ за шагомъ, издавая пронзительный крикъ, который, мало по малу, невыносимо раздражаетъ нервы; хотя генераль запретилъ устроить при проѣздѣ его какія бы то ни было манифестаціи, однако, на послѣдней станціи насъ ожидала оживленная картина: тутъ собралась толпа просителей и киргизскіе бей, бывшіе помощниками генерала при завоеваніи; они явились хорошо вооруженные, на своихъ маленькихъ степныхъ лошадяхъ, и присоединились къ нашему каравану.

«Но вотъ, наконецъ, показалась зелень, деревья; это сады, окружающіе Казалинскъ. Это торговый центръ степи, куда съѣзжаются киргизы, чтобы промѣнять свои произведенія, сырыя кожи, овечью и верблюжью шерсть, на русскія или бухарскія издѣлія. Городскія власти вышли намъ на встрѣчу, поѣздъ остановился, всѣ сошли съ коней, чтобы присутствовать, стоя, при поднесеніи генералу хлѣбасоли. Громадная толпа народа привѣтствовала его восторженными криками: ура! Тутъ были представители всевозможныхъ типовъ: на первомъ планѣ русскіе, далѣе сарты, узбеки и евреи верхами, позади всѣхъ киргизы на верблюдахъ. Трудно описать живописную прелесть этой картины и богатство красокъ, кони блистали одѣянія этой разноплеменной толпы.

«Но что это за группа людей, истощенныхъ, съ длинными бородами, бѣдно одѣтыхъ, которые стоятъ уныло и безмолвно, составляя яркій контрастъ среди веселой, восторженной толпы? Когда Черняевъ поровнялся съ ними, они всѣ пали передъ нимъ на колѣна,—ихъ было до трехсотъ человекъ.

«— Ваше пр—во, сжальтесь надъ ними, мы добиваемся нашихъ правъ!»

«Этотъ вопль вырвался изъ всѣхъ устъ; на лицахъ просящихъ запечатлѣлось отчаяніе и они съ трудомъ сдерживали слезы, выступавшія у нихъ на глазахъ! Это были казаки.

«Всѣмъ извѣстны дикіе нравы и набѣги, которые совершались нѣкогда днѣпровскими и донскими казаками; ихъ потомки поселились по теченію Урала, образовавъ тамъ оплотъ противъ татарскихъ набѣговъ, а сами существовали грабежами и морскимъ разбоемъ на Каспійскомъ морѣ. Сознавая пользу, которую казаки приносили въ то время государству, императрица Екатерина II даровала имъ нѣкоторыя права и привилегіи, которыми они дорожатъ и гордятся. Впоследствии, въ виду административныхъ цѣлей, этихъ казаковъ пытались заставить отбывать воинскую повинность, но они энергично возстали противъ этой мѣры, ссылаясь на указъ, разрѣшавшій имъ поставлять вмѣсто себя наемныхъ рекрутъ; отсюда возникли столкновения и серьезные безпорядки, вслѣдствіе чего двѣ тысячи наиболѣе вліятельныхъ уральскихъ казаковъ были сосланы. Ихъ имущество было распродано и деньги, вырученныя за него, поступили въ казну, такъ какъ ни одинъ казакъ не захотѣлъ получить изъ оныхъ ни одного рубля; семейства ихъ, впавшія въ крайнюю нищету, были отправлены въ Туркестанъ, гдѣ шесть лѣтъ уже томилась въ ссылкѣ эти несчастные. Правительство готово было ихъ помиловать; имъ было разрѣшено вернуться на родину, но ни одинъ казакъ не воспользовался этою милостью. Они требуютъ восстановленія своихъ правъ, пересмотра указа, предпочитаютъ ссылку и нищету позору вернуться на родину неоправданными злодѣями. Эта геройская черта, проявляемая единодушно такою массою людей, постигнѣ достойна удивленія.

«Храбрые степные офицеры въ глубинѣ души относились всегда съ крайнимъ сожалѣніемъ и сочувствіемъ къ этимъ жертвамъ ошибокъ администраціи, встрѣтившей, наконецъ, препону въ твердой волѣ императора, повелѣвшаго положить этому конецъ».

III.

Передъ самымъ прїѣздомъ ген. Черняева въ Казалинскъ въ этомъ городкѣ было совершено звѣрское преступленіе: плацъ-адъютантъ, его жена и семимѣсячная малютка ихъ были убиты съ цѣлю грабежа; топоръ и желѣзный брусокъ послужили орудіями въ рукахъ убійцъ. Подозрѣніе пало тотчасъ на трехъ солдатъ мѣстнаго баталіона, поступившихъ туда изъ отставныхъ матросовъ Аральской флотиліи. Надобно замѣтить, что матросы этой флотиліи пользовались въ то время самой незавидной репутаціей; казенные пароходы, на которыхъ они служили, по причинѣ мелководія Сыръ-Дарьи, имѣющей мѣстами не болѣе 2 или 3 футъ глубины, зачастую садились на мель, вслѣдствіе чего ихъ приходилось, разумѣется, стаскивать съ мели, и такъ какъ на это требовалось не мало времени, то матросы, находясь между тѣмъ въ бездѣйствіи, страшно деморализировались и грабили, какъ настоящіе пираты, по побережью рѣки. Слѣдующій фактъ дастъ понятіе о томъ, что это были за экипажи; въ то время, когда Мозеръ находился въ Казалинскѣ, изъ 12 офицеровъ одного экипажа девять были сосланы въ Сибирь или находились подъ судомъ; въ странѣ боялись этихъ людей какъ чумы.

М. Г. Черняевъ остановился въ Казалинскѣ на три дня, чтобы учинить судъ надъ виновными; они вскорѣ сознались въ своемъ преступленіи и были приговорены къ разстрѣлянію: приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе на слѣдующій день.

«Я прїбылъ на мѣсто казни въ ту минуту, какъ преступники исповѣдывались, говоритъ Мозеръ; на груди у каждого изъ нихъ была дощечка съ надписью: «убійца»; возлѣ мѣста казни стояли шпалерами солдаты гарнизона. Я могъ разсмотрѣть осужденныхъ вблизи: никогда еще не приходилось мнѣ видѣть лицъ болѣе апатичныхъ и равнодушныхъ, повидимому, далекихъ отъ всякаго раскаянія; они подходили къ своимъ могиламъ твердою поступью, какъ идетъ человѣкъ со спокойною совѣстью. Приготовленія къ казни показались мнѣ безконечно длинными; наконецъ, солдаты, одѣвавшіе на нихъ рубашки, отошли и передъ нашими глазами трое осужденныхъ выдѣлились зловѣщимъ пятномъ на желтоватомъ фонѣ необъятной пустыни. Забилъ барабанъ... Кажется, всю жизнь будетъ раздаваться въ моихъ ушахъ залпъ, произведенный взводомъ: человѣческая справедливость была удовлетворена».....

Съ удовольствіемъ покинулъ нашъ путешественникъ Казалинскъ,

оставившій въ немъ весьма тяжелое воспоминаніе; за Казалинскомъ ихъ ожидали на каждой станціи киргизскія лакомства: превосходный плавъ, шашлыкъ и кумысъ; со всѣхъ сторонъ стекались кочевники, кто просто желалъ увидѣть генераль-губернатора, кто являлся съ просьбою, кто съ жалобою.

«Черняевъ, со свойственною ему добротою, выслушивалъ всѣхъ и cadaго: бекы принималъ въ своей палаткѣ, а тѣмъ изъ нихъ, которые чѣмъ либо отличались, дарилъ халаты; кочевники, съ своей стороны, являлись съ подарками; приносили граціозныхъ живыхъ газелей, степныхъ орловъ, пеликановъ замѣчательной величины; всѣ эти представители степной фауны увеличили коллекцію генерала.

«Киргизы, сопровождавшіе караванъ, предавались по пути своей любимой забавѣ, состоящей въ томъ, чтобы поднять съ земли, на полномъ скаку, козленка или барана. Этотъ спортъ требуетъ большой мускульной силы и не меньшей ловкости, въ особенности твердой посадки: всадникъ, наклонивъ корпусъ впередъ, на полномъ скаку, поднимаетъ съ земли эту тяжелую массу, но его нагоняютъ тотчасъ другіе всадники и стараются отнять у него барана, при чемъ наѣздникъ нерѣдко летитъ со своей ношей кубаремъ на песокъ; но ловкость киргизъ такъ велика, что конь и всадникъ немедленно встаютъ и уносятся въ карьеръ, поднимая облако пыли».

14-го числа караванъ прибылъ въ фортъ Кармакчи, а на слѣдующій вечеръ въ фортъ Перовскій; не доѣзжая трехъ верстъ отъ этого пункта, начинаются обработанныя поля, которыя представляютъ отрадное зрѣлище послѣ утомительной бѣлизны степи.

На слѣдующій день по приѣздѣ въ ф. Перовскій, Черняевъ намѣревался отправиться на пароходѣ по Сыръ-Дарьѣ для инспектированія канализаціонныхъ работъ, производившихся, по его мысли, въ этой мѣстности.

«Промѣнявъ политику на земледѣліе, побѣдитель Туркестана поставилъ себѣ задачей доставить управляемой имъ странѣ новые источники богатства. Въ то время его занимали два вопроса первостепенной важности.

«Первый изъ нихъ состоялъ въ увеличеніи количества пахотной земли, посредствомъ устройства новой системы канализаціи. Мѣстныя условія какъ нельзя болѣе благоприятствовали этому, ибо многочисленные аулы киргизъ являлись ежегодно на зимовку на берега Сыръ-Дарьи, между Казалинскомъ и Чимкентомъ, и занимались тутъ обработкою полей; наблюденія показали, что число кочевниковъ, занимающихся земледѣліемъ, возрастаетъ съ каждымъ годомъ: пока кочевой образъ жизни даетъ киргизу возможность удовлетворять своимъ

нуждамъ и потребностямъ своей семьи, до тѣхъ поръ онъ предпочитаетъ вести лѣнливую и привольную жизнь пастуха, но такъ какъ падежъ скота въ послѣднее время уменьшился чувствительнымъ образомъ его стада, и новыя налоги, а быть можетъ и перемѣна администраціи создали довольно многочисленный классъ пролетаріевъ, то масса этихъ бѣдныхъ кочевниковъ, вѣкогда столь гордыхъ и смотрѣвшихъ на земледѣліе, какъ на постыдное ремесло, были вынуждены обрабатывать землю, лично для себя или въ качествѣ наемныхъ работниковъ у тѣхъ земельныхъ собственниковъ, которые создаются новой администраціей степи, т. е. у волостныхъ писарей.

«Генераль Черняевъ всѣми мѣрами старался поощрить эти занятія земледѣліемъ, которыя могутъ значительно увеличить благосостояніе Туркестанскаго края, создавъ по теченію Сыръ-Дарьи цѣлый рядъ колоній.

«Другой, не менѣе важный, вопросъ, занимавшій генераль-губернатора, было устройство новыхъ путей сообщенія, по которымъ могли бы сбываться въ Россію произведенія Туркестана.

«Вслѣдствіе завоеванія Ташкента, бывшаго центромъ средне-азиатской торговли, торговля сношенія этой страны съ Россіей стали быстро развиваться; въ настоящее время на рынкахъ Туркестана преобладаютъ русскія мануфактурныя издѣлія, откуда они почти исключительно вытѣснили англійскіе товары, привозимые изъ Индіи. Однако, медленность, съ какою двигаются караваны, проходящіе всего 25 верстъ въ день, и обусловленная этимъ дороговизна транспортировки представляютъ серьезныя препятствія для развитія торговли съ Россією. Главною артеріею для передвиженія войска и каравановъ служить дорога отъ Оренбурга до Казалинска, откуда она раздваивается, направляясь въ Бухару и Ташкентъ; этотъ караванный путь идетъ по степи, изобилующей колодцами и населенной многочисленными аулами, которые доставляютъ верблюдовъ, необходимыхъ для перевозки.

«Въ періодъ времени съ 1850 по 1869 г. русское правительство перевезло съ неимоверными трудностями изъ Оренбурга въ Аральское море нѣсколько судовъ, построенныхъ въ Швеціи, Англійи и Бельгійи, въ надеждѣ создать тамъ флотъ для перевозки боевыхъ снарядовъ, а съ теченіемъ времени правительство полагало увеличить количество судовъ въ интересахъ средне-азиатской торговли. Но такъ какъ эти суда сидѣли слишкомъ глубоко, то по причинѣ мелководія они не могли принести ожидаемой отъ нихъ пользы и попытка воспользоваться Аральскимъ моремъ и Сыръ-Дарьей, какъ путемъ сообщенія, послужила лишь къ тому, чтобы выказать всѣ трудности, связанныя съ осуществленіемъ этого проекта.

«Итакъ, эти попытки не увѣнчались успѣхомъ; между тѣмъ, нѣкто Ванюхинъ, рыбный торговецъ, нашелъ болѣе короткій путь и съ успѣхомъ провезъ, неоднократно, свой товаръ изъ Аральскаго моря въ Каспійское черезъ Усть-Уртское плоскогорье; это обстоятельство надѣлало много шума и генераль Черняевъ поручилъ полковнику Александрову изслѣдовать это плоскогорье, съ цѣлью опредѣлить, возможно ли соорудить тамъ дорогу, которая соединила бы Кунградъ, лежащій по нижнему теченію Оксуса, съ Ямань-Айракты, находящимся при заливѣ Мертвый Култукъ, переименованномъ нынѣ въ заливъ Цесаревича; выгоды этого пути, сравнительно съ прежней оренбургской дорогой, громадны, ибо, отправившись изъ Оренбурга, караванамъ приходится ѣхать до Ташкента 1,705 верстъ сухимъ путемъ, тогда какъ, направляясь черезъ Усть-Урту, придется ѣхать сухимъ путемъ до Кунграда всего 440 верстъ, а далѣе водою, ибо Аму-Дарья судоходна на большей части своего теченія.

«Весьма благопріятный отзывъ, данный объ этомъ новомъ пути сообщенія полковникомъ Александровымъ, побудилъ генерала Черняева лично посѣтить Усть-Уртское плоскогорье въ 1883 году. Полковникъ Бѣляевскій, которому было предложено дать свое заключеніе на счетъ проектированной дороги, вполне подтвердилъ данныя, сообщенныя его предшественникомъ. Усть-Уртское плоскогорье пользуется климатомъ здоровымъ, средняя температура зимою не падаетъ ниже 8°; одинъ изъ конечныхъ пунктовъ предполагаемаго пути—заливъ Мертвый Култукъ имѣетъ довольно значительную глубину, такъ что пароходы могутъ свободно приставать въ немъ, и хотя море замерзаетъ тутъ съ декабря по мартъ мѣсяцъ, но это не представляетъ особеннаго неудобства, ибо для перевозки товаровъ достаточно остальваго времени года.

«Создать въ Ямань-Айракты гавань, съ плотинами и маяками, построить черезъ Усть-Урту до Кунграда дорогу, удобную для ѣзды въ экипажахъ, съ телеграфомъ или даже желѣзную дорогу—вотъ задача будущаго; огромное преимущество этой дороги заключается еще въ томъ, что она центральная и примыкаетъ къ большой судоходной рѣкѣ. Уже въ настоящее время большія барки, построенныя въ Ургенчѣ, перевозятъ товары между Иль-Джикомъ и Кунградомъ; они легко могутъ быть замѣнены пароходами, такъ какъ Аму-Дарья имѣетъ достаточно глубины, а саксаулы, растущіе въ изобиліи на ея берегахъ, обезпечать этимъ судамъ превосходное топливо.

«Такимъ образомъ, старинная дорога отъ Оренбурга до Казаалинска будетъ современемъ посѣщаться гораздо менѣе, такъ какъ она слишкомъ длинна и проходитъ по бесплоднымъ степямъ, и главная тор-

говля Средней Азии пойдет по желѣзной дорогѣ, какъ по наиболѣе краткому и дешевому пути; хотя постройка этой дороги будетъ произведена другими лицами, во все же честь и слава ея будетъ принадлежать ген. Черняеву, и его имя всегда будетъ связано съ этимъ предпріятіемъ».

Итакъ, на слѣдующій день по прибытіи въ фортъ Перовскій, Черняевъ отправился на пароходѣ по Сыръ-Дарьѣ для осмотра вновь сооруженнаго канала, соединившаго маленькое озеро Джала-Куръ съ Сыръ-Дарьей; «каналъ этотъ проведенъ по плану мѣстныхъ инженеровъ и надъ нимъ трудились 400 каракалпаконъ, прибывшихъ изъ Хивы; это сооруженіе поистинѣ изумительное, такъ какъ единственный инструментъ, которымъ рабочіе туземцы пользовались при nivelлировкѣ, состоялъ изъ пузыря, до половины наполненнаго водою. Система плотинъ, придуманная генераломъ Черняевымъ, также весьма оригинальна и прекрасно приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ: она состоитъ въ употребленіи старыхъ рыбацкихъ сѣтей, нагруженныхъ камнями и поддерживаемыхъ столбами; иль, наносимый рѣкою, образуетъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, столь прочную плотину, что она въ состояніи направить теченіе рѣки къ тому пункту, куда этого желаютъ: разъ теченіе установилось, русло канала увеличивается само собою».

Пока генералъ инспектировалъ работы, спутники его охотились по берегамъ Сыръ-Дарьи, изобилующимъ всякаго рода дичью; по-этому пребываніе въ ф. Перовскомъ, благодаря этой маленькой экскурсіи водою, оставило въ нихъ самое пріятное воспоминаніе, но такъ какъ генералъ-губернатора ожидали въ Ташкентѣ, то имъ не долго пришлось воспользоваться этимъ пріятнымъ отдыхомъ; впрочемъ, мѣстность, по которой они ѣхали отъ ф. Перовскаго до Джулека и отъ Джулека до развалинъ Сорана, была не такъ однообразна, какъ предыдущая дорога, ее оживляла масса всевозможной дичи: фазаны перебѣгали дорогу подъ самыми ногами лошадей и путешественники стрѣляли по нимъ, не выходя изъ экипажа. Наконецъ, показались вдали купола обширной мечети, построенной въ самомъ центрѣ города Туркестана, перваго большаго сартскаго города, гдѣ Мозеру пришлось остановиться. «Эта мечеть, одно изъ самыхъ большихъ и великолѣпныхъ зданій Средней Азии, построена въ XIV вѣкѣ великимъ завоевателемъ Тимуромъ, чтобы служить могилою его вучкѣ; размѣры мечети столь велики, что ее видно въ степи за 25 версты; изящные купола этого зданія, покрытые нѣкогда изразцами бирюзоваго цвѣта, значительно пострадали отъ времени; мозаики и прочія драгоценности,

находившіяся въ немъ, исчезли вслѣдствіе нерадѣнія муллъ, приставленныхъ смотрѣть за мечетью, и можно сказать, что она сохранилась для потомства только благодаря щедрости русскаго императора. По случаю коронаціи Александра III-го бухарскій эмиръ послалъ царю, въ числѣ прочихъ подарковъ, 100 тысячъ рублей золотою монетою; эта сумма была пожертвована государемъ исключительно на дѣла мусульманской благотворительности; такъ, напр., медресе, построенное въ Бухарѣ благодаря щедротамъ императрицы Екатерины II, получило въ даръ 40 тысячъ рублей; 15 тыс. руб. ассигнованы на поправку и поддержаніе Газрети Тимура; остальная сумма назначена на поддержаніе разныхъ сооружений въ Самаркандѣ.

Осѣдлые жители Туркестана, составляющіе коренное населеніе этой мѣстности,—сарты, которые совершенно утратили нынѣ отличительныя черты своего племени и языка отъ смѣшенія съ арабами, индусами и узбеками. Идеаль всякаго сарта сдѣлаться купцомъ, только самые бѣдные изъ нихъ занимаются земледѣліемъ; они лицемѣрны, лживы и пользуются, за эти качества, всеобщимъ презрѣніемъ.

«Сартъ брѣветъ себѣ голову, прикрывая ее вышитой скуфейкой, поверхъ которой надѣвается чалма; размѣръ этой чалмы зависитъ отъ средствъ. Бумажные шаровары его на-половину прикрываются бешметомъ съ узкими рукавами, сверхъ котораго надѣвается халатъ, съ длиннѣйшими рукавами, и чѣмъ богаче сартъ, тѣмъ большее число халатовъ онъ надѣваетъ на себя».

Что касается сартской женщины, то ея домашній костюмъ довольно простъ, и состоитъ, въ теплое время года, изъ длинной кисейной или шелковой рубашки и шелковыхъ шароваръ, стянутыхъ внизу и украшенныхъ вышивкой. Шелковыя рубашки, продаваемыя въ Самаркандѣ, бываютъ тонки, какъ паутина, и, сжатая рукою, помѣщаются въ кулакъ; не смотря, однако, на столь несложный нарядъ, сартка постоянно занята своимъ туалетомъ; богатыя женщины, на которыхъ не лежатъ заботы о хозяйствѣ, проводятъ за туалетомъ большую часть дня. Молодыя дѣвушки носятъ рубашку, вырѣзанную на шеѣ и украшенную широкой вышивкой; рубашка замужней женщины имѣетъ разрѣзъ, доходящій до пояса и сдерживаемый у шеи металлической застежкой; рукава ея чрезвычайно широкіе и, при малѣйшемъ движеніи, обнажаютъ руку по плечо. Зимомъ женщины надѣваютъ поверхъ рубашки одинъ или нѣсколько халатовъ ¹⁾.

Женщина-сартка бываетъ обыкновенно средняго роста; величайшая прелесть ея состоитъ, безспорно, въ большихъ глазахъ, миндале-

¹⁾ См. приложенныя далѣе гравюры: изображеніе сартской женщины и киргизскій аулъ.

видной формы, которые она искусно подводитъ, чтобы придать имъ болѣе блеска. Чѣмъ ближе срослись брови, тѣмъ болѣе страстнымъ темпераментомъ обладаетъ, по ихъ мнѣнію, женщина, поэтому онѣ разрисовываютъ себѣ обыкновенно брови такъ, чтобы онѣ сходились на лбу. Цвѣтъ лица у нихъ, по болѣе части, смуглый, но встрѣчаются также лица замѣчательной бѣлизны; ноги и руки у нихъ маленькія, но походка чрезвычайно не граціозная. Волосы темнаго цвѣта, грубые и жесткіе, раздѣляются правильнымъ проборомъ посреди лба и на вискахъ и усердно смазываются помадой; молодыя дѣвушки заплетаютъ ихъ въ пять косъ, а замужнія женщины въ двѣ косы, которыя бывають иногда невѣроятной длины и украшаются монетами, лентами и амулетами; особеннымъ шикомъ считается красить себѣ зубы черной краской. Золотыя и серебряныя украшенія, осыпанныя бирюзой, изумрудами, рубинами и другими камнями, въ большой модѣ у сартской женщины; на лобъ онѣ надѣваютъ диадему, изогнутую дугообразно, подражая формѣ бровей, къ которой прикрѣпляется жемчужина или маленькій колокольчикъ, ниспадающій на носъ; всѣ онѣ носятъ серьги, которыя бывають весьма тонкой и изящной филиграновой работы и висятъ зачастую до плечъ; на шеѣ носятъ ожерелье съ подвѣсками, а руки украшаются браслетами.

«По этому описанію легко составить себѣ понятіе объ общемъ видѣ сартской красавицы, когда она у себя дома, но въ такомъ нарядѣ европейцу рѣдко удастся ее увидѣть; когда же она выходитъ на улицу, то надѣваетъ сверхъ всего «фереджи», отвратительный балахонъ, имѣющій видъ мѣшка и прикрывающій ее съ ногъ до головы, оставляя открытою лишь часть лица, которая прикрывается, въ свою очередь, плотной сѣткой изъ конскаго волоса».

Отъ г. Туркестана до Чимкента путь идетъ все по той же однообразной степи, не представляющей для путешественника ничего интереснаго; только въ Иканѣ, неподалеку отъ Чимкента, обращаетъ на себя вниманіе «черный деревянный крестъ, напоминающій собою одинъ изъ самыхъ доблестныхъ подвиговъ русскаго войска, совершенный въ эпоху завоеванія этого края. Тутъ 104 уральскихъ казака, подъ командою эсаула Сѣрова, имѣя всего лишь одно орудіе, держались два дня въ открытомъ полѣ противъ 10 тысячъ сартовъ, соорудивъ себѣ ограду изъ своихъ убитыхъ товарищей и ихъ коней. Комендантъ Чимкента, узнавъ объ ихъ отчаянномъ положеніи, послалъ имъ на выручку роту стрѣлковъ: болѣе сильнаго подкрѣпленія онъ не могъ доставить имъ, опасаясь ослабить свой фортъ. Но когда офицеръ, командовавшій стрѣлками, увидѣлъ легіонъ враговъ, окружавшихъ казаковъ, то онъ отступилъ. Подъ конецъ втораго дня

казаки, не имѣя съѣстныхъ припасовъ, задыхаясь отъ зловонія труповъ, за которыми они прятались, не были въ состояніи держаться далѣе и рѣшились, по крайней мѣрѣ, дорого продать свою жизнь; они сдѣлали вылазку и достигли форта, непрестанно сражаясь по пути, такъ что изъ 104 человекъ достигли Чимкента всего 9 человекъ, при чемъ всѣ были ранены».

Отъ Чимкента до Ташкента, столицы края, всего 120 верстъ; тутъ мѣстность оживляется, повсюду видна вода и растительность, сартскія деревни попадаются безпрестанно. Изъ Ташкента выѣхали на встрѣчу генераль-губернатору его адъютанты и чиновники и два посланника отъ бухарскаго эмира. Одинъ изъ нихъ ожидалъ пріѣзда генерала съ апрѣля мѣсяца, а другой, Рахметъ Уллахъ, весьма важный бухарскій чиновникъ, одѣтый въ парчевой халатъ, съ бѣлою чалмою на головѣ, только что пріѣхалъ.

Въѣздъ генераль-губернатора въ Ташкентъ совершился съ истинно восточною пышностью. Генераль помѣстился въ своемъ большомъ ландо, имѣя по лѣвую сторону Рахметъ Уллаха; всѣ экипажи были окружены ординарцами и джигитами верхами.

«Мы подвигались медленно, окруженные густымъ облакомъ пыли, рассказываетъ Мозеръ, дорога была окружена экипажами, наполненными дамами, любопытствовавшими взглянуть на Черняева; генераль, по обыкновенію, заѣхалъ прежде всего въ церковь, гдѣ онъ былъ встрѣченъ духовенствомъ, затѣмъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ его ожидала цѣлая толпа офицеровъ высшихъ чиновъ въ полной парадной формѣ. Боже! какіе они были чистенькіе въ своихъ кителяхъ, въ сравненіи съ пріѣзжими, которые были покрыты желтоватою пылью, дѣлавшею ихъ неузнаваемыми».

Созданіе современнаго Ташкента представляетъ одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые подъ силу только русскимъ и американцамъ. Представьте себѣ среди голой степи хорошенькій и веселенькій городокъ, съ широкими, правильно разбитыми, улицами, окаймленными по обѣимъ сторонамъ каналями, вдоль которыхъ вы идете въ тѣни деревь, осѣняющихъ тротуары; дома, окруженные садами, бываютъ нерѣдко двухэтажные; а нѣкоторыя общественныя зданія достойны занять мѣсто въ любомъ городѣ Европы. Казенныя зданія отличаются прочностью постройки и красивой архитектурой; военный клубъ походитъ на казино германскихъ курортовъ; въ его роскошныхъ залахъ даются балы, на которые съѣзжается отъ 400 до 500 человекъ, и въ довершеніе всего, въ Ташкентѣ имѣется театръ, въ которомъ устраиваются даже маскарады!

ДОБРОДЕННО КИРГИЗОВ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1897 Г.

АУЛЪ КИРГИЗОВЪ.

изъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» изд. 1888 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОНОВЫНИ ГОСТАКСТВЕРНИИЪ ВЪМАГЪ.

«Умственная жизнь чрезвычайно развита въ этомъ степномъ городѣ, имѣющемъ библіотечку и двѣ газеты: «Туркестанскія» и «Азіятскія Вѣдомости», учительскую семинарію и двѣ гимназіи. Чтобы дать понятіе объ успѣхахъ, дѣлаемыхъ цивилизаціей въ краѣ, замѣтимъ, что въ 1868 г. въ немъ было лишь 17 элементарныхъ школъ съ 737 учениками, а въ настоящее время (1883 г.) ихъ насчитываютъ до 60, и число учениковъ доходить въ нихъ приблизительно до 4 тысячъ. Въ русскомъ Ташкентѣ есть также русская школа для туземцевъ, въ которую является всегда болѣе желающихъ, нежели имѣется свободныхъ мѣстъ».

Чтобы облегчить желающимъ занятіе наукою, извѣстному энтомологу Ошанину было поручено составить естественно-историческій музей, но за недостаткомъ средствъ эта коллекція находится (1883 г.) въ весьма жалкомъ состояніи, за то астрономія составляетъ излюбленное дѣтище правительства.

Обсерваторія г. Ташкента имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что изъ всѣхъ существующихъ обсерваторій она занимаетъ наиболѣе континентальное положеніе, будучи отдѣлена отъ океана пространствомъ земли болѣе, нежели въ 4 тысячи километровъ. Въ силу этого обстоятельства она находится въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ для наблюденій: если сравнить ее въ этомъ отношеніи, напримѣръ, съ Пулковской обсерваторіей, то окажется, что въ то время, какъ въ Пулковѣ едва насчитываютъ въ годъ 100 дней благоприятныхъ для наблюденій, а слѣдовательно 260 бываютъ потеряны для науки, въ Ташкентѣ бываетъ, наоборотъ, 260 полезныхъ дней и только 100 дней бываютъ потеряны для наблюдателя.

Прозрачность воздуха въ этой мѣстности центральной Азіи необычайная; немудрено поэтому, что создателями астрономіи были халдейскіе пастухи. Всѣ эти благоприятныя условія сдѣлали бы положеніе астронома, занимающагося наблюденіями въ Ташкентѣ, крайне затруднительнымъ, если бы этотъ городъ былъ соединенъ телеграфной проволокой съ обсерваторіями всѣхъ странъ свѣта; въ такомъ случаѣ наблюдателю пришлось бы цѣлый день не отрывать отъ зрительной трубы, но, къ счастью для него, Ташкентъ соединенъ телеграфомъ лишь съ обсерваторіями Москвы и Петербурга.

Ташкентская обсерваторія снабжена всѣми необходимыми инструментами: въ ней есть рефракторъ, помѣщаемійся въ каменной башнѣ съ подвижнымъ куполомъ, меридіанный кругъ, утвержденный на двухъ кирпичныхъ столбахъ для измѣренія восхожденія и склоненія звѣздъ, наконецъ, сисмографъ для наблюденія колебаній почвы, которыя бываютъ въ Ташкентѣ весьма часты, хотя и не отличаются особенною силою.

«Можно себя представить, съ какими трудностями было сопряжено устройство этой обсерваторіи, такъ какъ всѣ приборы пришлось везти черезъ степь, на верблюдахъ, а затѣмъ передъ установкой на мѣсто потребовалось исправить ихъ и провѣрить опытнымъ механиками. Генералъ Черняевъ, готовый оказать поддержку всему, касающемуся науки и развитію человѣческаго ума, принималъ и въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. Что же касается сартскаго населенія, то оно продолжаетъ смотрѣть на эту башню и на все происходящее въ ней какъ на дьявольское изобрѣтеніе; во время луннаго затмѣнія, которое было видимо въ Ташкентѣ въ 1882 г., все туземное населеніе этого города было объято ужасомъ и успокоилось, лишь увидѣвъ, что луна снова заблестала на небѣ; даже старикъ сартъ, служашій при обсерваторіи, не смотря на всѣ объясненія, былъ до крайности перепуганъ и полагалъ, что насталъ конецъ міра.

«Мы имѣли случай посѣтить обсерваторію, говорить Мозеръ: прекрасный садъ, среди котораго возвышается это зданіе, построенное въ 4-хъ верстахъ отъ города, былъ освѣщенъ по этому случаю а гіогно; насъ встрѣтилъ директоръ обсерваторіи, полковникъ Померанцевъ, повелъ насъ на верхъ башни и посвятилъ насъ въ тайны астрономіи, показавъ намъ комету, которую нью-іоркскіе астрономы тщетно искали на небѣ, подозрѣвая ея существованіе, и которую ему удалось открыть благодаря неутомимымъ наблюденіямъ и прозрачному небу Туркестана. Начальникъ штаба, генералъ Новицкій, увѣрялъ насъ, что это та самая комета, которая была видима въ 1812 году».

Дворецъ генералъ-губернатора представляетъ собою обширное и роскошное зданіе, окруженное великолѣпнымъ паркомъ, въ которомъ можно найти прохладу въ самые жаркіе дни. У себя дома М. Г. Черняевъ былъ также любезенъ и доступенъ, какъ и въ Россіи, и какимъ онъ былъ съ своими спутниками во время путешествія.

За обѣдомъ, который подавался въ 6 часовъ вечера, кромѣ домашнихъ, присутствовали всѣ офицеры и высшія должностныя лица, но на завтракъ приглашались лишь самыя приближенныя лица, съ которыми генералъ охотно бесѣдовалъ; эти бесѣды, по словамъ нашего путешественника, составляли самое пріятное изъ его ташкентскихъ воспоминаній; «послѣ завтрака мы отправлялись курить въ кабинетъ, рассказываетъ онъ; тутъ генералъ показывалъ намъ сабли, подаренныя ему хивинскимъ и бухарскимъ ханами; это знаменитыя произведенія Хорасана, которыми можно разрѣзать пополамъ батистовый платокъ, брошенный на воздухъ; стоимость этихъ клинковъ неоцѣнима, такъ какъ ихъ нельзя купить ни за какую цѣну; ножны ихъ

блестять богатыми золотыми и серебряными украшениями, осыпанными драгоценными камнями, но завоеватель Туркестана особенно дорожить самой простой из этих сабель, той, которая была взята у Алимъ-Куля, главного вождя туземцевъ, побѣжденнаго и убитаго подъ Ташкентомъ».

IV.

«Завоеваніе Туркестана стоило Россіи огромныхъ жертвъ и затратъ, которыя не вознаграждаются до сихъ поръ доходами съ этихъ земель. Первою побудительною причиною къ этимъ завоеваніямъ послужила необходимость обезопасить восточныя границы имперіи отъ нападеній сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, существовавшихъ только грабежами и набѣгами. Когда эти племена были покорены и обратились къ болѣе мирной жизни, они стали подвергаться въ свою очередь нападеніямъ своихъ неспокойныхъ сосѣдей, съ которыми Россіи пришлось воевать, чтобы защитить своихъ новыхъ подданныхъ, и такимъ образомъ, отодвигая постоянно свои границы имперіи, она очутилась, наконецъ, у предѣловъ Афганистана».

Положеніе Россіи въ центральной Азій было таково же, какъ и положеніе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ кочевыми, полудикими племенами; надобно было положить предѣлъ ихъ набѣгамъ и съ этою цѣлью приходилось время отъ времени предпринимать экспедиціи противъ непріятеля, неуязвимаго въ своей соціальной организаціи. Чтобы положить предѣлъ этимъ нескончаемымъ стычкамъ, Россія занимала мало по малу въ этой странѣ нѣкоторые укрѣпленные пункты; при этомъ наступательномъ движеніи русскаго войска въ глубь Средней Азій, воинственный духъ русскихъ генераловъ иной разъ ускорялъ событія, опережая виды дипломатіи и намѣренія правительства.

Въ 1839 г. императоръ Николай I поручилъ генералу Перовскому овладѣть нѣкоторыми пунктами во владѣніяхъ кочевниковъ, тревожившихъ своими нападеніями восточныя границы имперіи, укрѣпиться въ этихъ пунктахъ и заставить такимъ образомъ эти дикія племена уважать Россію.

Первая экспедиція была направлена противъ хивинскаго хана, который забиралъ въ плѣнъ множество русскихъ подданныхъ, грабилъ караваны и подстрекалъ къ возмущенію киргизъ, бывшихъ данниками русскаго царя; но эта экспедиція окончилась самымъ плачевнымъ

образомъ: 1,000 человекъ войска и 9,000 верблюдовъ погибли отъ холода и голода въ степяхъ, между Аральскимъ моремъ и р. Эмбою; послѣ этой неудачи русскихъ хивинскій ханъ еще болѣе возмечталъ о своей силѣ.

Не желая вновь пускаться на удачу по Аральскимъ степямъ, русское правительство рѣшило нанести хану окончательный ударъ, принявъ операціонной базой Сыръ-Дарью. Надобно было овладѣть Коканскимъ ханствомъ, которое бухарскій эмиръ Насръ-Уллахъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ въ 1840 г., умертвивъ его владѣтеля и уведя сына его въ плѣнъ, въ Бухару.

Въ 1847 г. было построено въ степи нѣсколько фортовъ; это были первыя звенья той цѣпи, которая должна была современемъ соединить Россію съ Сыръ-Дарьею; въ томъ же году въ Оренбургѣ были сосредоточены большіе запасы всякаго продовольствія, а на Аральскомъ морѣ появилась и флотилія, и такимъ образомъ генер. Перовскій могъ двинуться впередъ, хотя медленными, но вѣрными шагами, строя по пути, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, цѣлый рядъ фортовъ, для защиты киргизскихъ племенъ отъ хищниковъ лѣваго берега Сыръ-Дарьи.

«Русскими была произведена рекогносцировка вплоть до коканской крѣпости Акъ-Мечеть (Ak Mesdjet) и на слѣдующій годъ Перовскому удалось провести черезъ степь Кара-Кумъ довольно многочисленное войско, для осады этой крѣпости, которая пала, послѣ геройской защиты, въ іюнѣ 1853 года и была названа фортъ Перовскій.

«Крымская война и событія въ Польшѣ отвлекли на нѣкоторое время вниманіе русскихъ отъ этихъ странъ, тѣмъ не менѣе въ послѣдующіе годы было занято нѣсколько важныхъ пунктовъ къ югу отъ Сибири и, наконецъ, въ 1854 г. было основано Вѣрное. Между тѣмъ въ Коканѣ вспыхнуло возстаніе и Мозаффаръ-Эдинъ, сынъ Насръ-Уллаха, явился во главѣ арміи бухарцевъ на помощь коканскому хану Кудеяру, освободилъ его отъ враговъ и раздѣлил его владѣнія на двѣ части, одну изъ нихъ отдалъ Кудеяру, а другую оставилъ себѣ, назначивъ туда малолѣтняго правителя, а себя объявивъ его опекуномъ. Это событіе имѣло для Мозаффаръ-Эдина пагубныя послѣдствія; сдѣлавшись верховнымъ владѣтелемъ Кокана, онъ тѣмъ самымъ долженъ былъ защищать своего вассала отъ нападений его враговъ и такимъ образомъ ему пришлось вступить непосредственно въ столкновение съ Россіей. Въ 1861 г. былъ занятъ Джулекъ, между тѣмъ какъ отрядъ, направлявшійся изъ Семирѣченска, медленно подвигался на югъ и присоединился въ 1864 г. къ колоннѣ, дѣйствовавшей на Сыръ-Дарьѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года былъ взятъ г. Туркестанъ, а

нѣсколько времени спустя ген. Черняевъ однимъ ловкимъ ударомъ овладѣлъ Чимкентомъ; въ 1865 г. взять имъ Ташкентъ.

«Получивъ извѣстіе объ этой побѣдѣ, бухарскій эмиръ послалъ Черняеву приказаніе возвратить завоеванныя имъ области, грозя въ противномъ случаѣ начать священную войну. Такъ какъ въ это самое время генераль Черняевъ былъ отозванъ изъ Туркестана, то его преемнику, ген. Романовскому, было поручено отомстить эмиру за оскорбленіе, нанесенное Россіи въ лицѣ его посланника, Струве, который былъ заключенъ въ Бухарѣ въ тюрьму. Ген. Романовскій, во главѣ 3,600 человекъ войска, напалъ на 40-тысячную армію Мозаф-фара, наэлектризованную желаніемъ истребить невѣрныхъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1866 г., между Самаркандомъ и Ташкентомъ, произошло кровопролитное сраженіе, оказавшееся гибельнымъ для бухарскаго эмира, который спасся бѣгствомъ, но не терялъ надежды современемъ побѣдить русскихъ и поспѣшно занялся укрѣпленіемъ Самарканда.

«Въ это самое время русское правительство рѣшило упростить администрацію Туркестана, сосредоточивъ гражданскую и военную власть въ этомъ краѣ въ рукахъ одного лица. Генераль Кауфманъ, которому былъ ввѣренъ этотъ важный постъ, получилъ званіе туркестанскаго генераль-губернатора и избралъ своимъ мѣстопробываніемъ г. Ташкентъ.

«Непріязненные столкновенія съ бухарцами, пріостановившіяся было на нѣкоторое время, возобновились опять; въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года Кауфману пришлось оставить занятую русскими позицію при Ташъ-Купрукѣ, лежавшемъ на Самаркандской дорогѣ, и двинуться съ 3,500 чел. войска на встрѣчу бухарцамъ; они выслали парламентаря, предлагая заключить миръ, но когда русскіе, на ихъ требованіе вывести изъ страны всѣ войска, отвѣчали отказомъ, то завязалось сраженіе, окончившееся совершеннымъ пораженіемъ бухарцевъ.

«Вечеромъ, въ день битвы, побѣдители расположились бивуакомъ на полѣ сраженія; на слѣдующее утро въ главную квартиру явилась депутація изъ Самарканда, неся ключи крѣпости. Кауфманъ потребовалъ, чтобы ему были открыты городскія ворота, русскія войска вступили въ Самаркандъ и цитадель его была приведена въ оборонительное положеніе; городское населеніе отнеслось къ этому событію, повидимому, совершенно спокойно.

«Оставивъ боевые снаряды и походные госпитали подъ охраною гарнизона, численностью въ 700 человекъ, подъ командою храбраго маіора фонъ-Темпеля, ген. Кауфманъ вновь пустился преслѣдовать непріятеля. Тогда самаркандцы, полагая, что имъ легко удастся

справиться съ горстью людей, оставленныхъ въ крѣпости, открыли городскія ворота воинственнымъ и фанатичнымъ горцамъ, которые помогли имъ осадить гарнизонъ цитадели, подвергшейся такимъ образомъ неожиданному нападенію со стороны 9—10 тысячнаго непріятели. Въ теченіи 6 дней, съ 14-го по 20-е іюня, майоръ Темпель со своимъ отрядомъ совершилъ чудеса храбрости: всѣ русскіе, бывшіе въ цитадели, даже больные и ампутированные, дотацились до амбразуръ, чтобы защищать окопы, тянувшіеся на версту. Выдержавъ столь упорную осаду, гарнизонъ не въ силахъ былъ болѣе защищаться, когда на помощь ему подоспѣлъ, наконецъ, ген. Кауфманъ, который и разсѣялъ непріятели.

«Чтобы наказать самаркандцевъ за измѣну и дать примѣръ прочимъ азіатскимъ народамъ, генераль отдалъ Самаркандъ на три дня на разграбленіе солдатамъ; эти дни грабежа и кровавой расправы разъ навсегда запечатлѣли въ умѣ сартовъ, какія печальныя послѣдствія можетъ имѣть сопротивленіе ихъ власти русскихъ, а бухарскій эмиръ съ своей стороны понялъ, что прочность его царствованія зависитъ не отъ доблести его арміи, а отъ свисходительности Бѣлаго Царя, и поспѣшилъ поэтому заключать миръ, въ силу котораго русскіе присоединили къ своимъ владѣніямъ среднее теченіе Зеравшана съ Самаркандомъ и Катта-Курганомъ.

«Мирный договоръ, заключенный въ іюнѣ мѣсяцѣ 1868 г. съ бухарскимъ эмиромъ, заключалъ, между прочимъ, слѣдующія условія:

1) Всѣ русскіе подданные, безъ различія вѣроисповѣданій, получаютъ право свободной торговли на всемъ протяженіи бухарской территоріи. Эмиръ отвѣтственъ, въ предѣлахъ своихъ владѣній, за безопасность русскихъ купцовъ, ихъ каравановъ и имущества.

2) Русскимъ купцамъ предоставляется право имѣть своихъ агентовъ во всѣхъ городахъ Бухары.

3) Русскіе товары, ввозимые въ Бухару, не должны быть обложены пошлиной, превышающей 2½ процента ихъ стоимости.

4) Русскіе купцы пользуются правомъ безпрепятственнаго проѣзда черезъ Бухару, при слѣдованіи ихъ въ сосѣднія земли.

«Грозные уроки, данныя русскими бухарскому эмиру, не пошли въ прокъ хивинскому хану; вмѣсто того, чтобы жить съ своимъ сѣвернымъ сосѣдомъ въ согласіи, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы вызвать вооруженное столкновеніе, и былъ разбитъ русскими въ 1873 г.; побѣдители присоединили къ Туркестану часть ханства, лежавшую на правомъ берегу Оксуса.

«Наковецъ, коканцы, выведенные изъ терпѣнія жестокостью и чрезмѣрною скупостью своего правителя, обратились къ генералу

ГЕНРИХЪ МОЗЕРЪ.
ВЪ 1863 г.

ВРЪЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1889 г.

Кауфману съ просьбою о помощи; поэтому послѣ блестящей кампаніи, совершенной М. Д. Скобелевымъ въ 1875—1876 гг., онъ лишилъ Будаляръ-хана его владѣній и Коканъ былъ присоединенъ къ русской имперіи, подъ названіемъ Ферганской области.

Итакъ, въ 1866 г. русскій Туркестанъ состоялъ изъ двухъ областей: Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской, въ 1868 г. къ нему присоединенъ Зеравшанскій округъ, отнятый у Бухары, въ 1873 г.—Аму-Дарьинская и, наконецъ, въ 1876 г.—Ферганская области».

Генрихъ Мозеръ.

Извлеч. и переводъ Вѣры Вас. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

МАРТЪ.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Разказы Прасковьи Егоровны Аменниковой, рожденной Гебль. Главы VII—X.	567	IX. Петръ Кононовичъ Меньковъ, род. 1814 г. † 1875 г. Эпизодъ изъ его жизни, 1848 г. Сообщ. въ 1874 г. П. К. Меньковъ.	771
II. Въ странахъ средней Азій. Путевыя впечатлѣнія Гейриха Мозера, 1882 — 1883 гг. Извлеч. и перев. В. В. Тимошукъ. Гл. V—VI.	605	X. Историческіе документы, замѣтки и стихотворенія: Кн. В. В. Голицынъ, 1677 г. (735).—Петръ I и А. Д. Меншиковъ (733).—Сергій Пушкинъ и Жуковы (757).—Бар. Гейкинъ (801).—Моисей Гумиловскій (799).—Сутерландъ и Рыльцевъ (791).—Маскарадъ 1799 г. (734).—Эдвортъ де-Фармонъ (804).—Университетскій павильонъ (796).—Ал-дръ и Ник. Тургеневы, 1830 г. (793).—А. И. Герценъ (769).—А. Г. Рубинштейнъ (811).—А. Ф. Гильфердингъ (731).—К. Д. Хрущовъ (785).—Вел. кн. Елена Павловна (805).—Замѣтки ко дню XXVII годовщины 19-го февраля. Сообщ. Н. П. Семеновъ и Ред. (813).—Стихотворенія. К. Р. и П. А. Кускова (693 и 831).	
III. Иванъ Терентьевичъ Осипкинъ. Очеркъ его дѣятельности. Гл. V—VII	655	XI. Библиографическій листокъ.	
IV. Россія и Финляндія. Историческій очеркъ, 1721—1809—1885 гг. (Окончаніе)	673		
V. Воспоминанія князя Павла Арсеньевича Путятина. Гл. V—VIII.	695		
VI. Принцъ Карлъ-Эрнестъ Мурамдский въ Бастини съ 8-го января по 24-е апрѣля 1768 г. Сообщ. кн. А. Б. Л.-Р.	739		
VII. Императрица Екатерина II: Житіе пренодобнаго Сергія въ ея редакціи	751		
VIII. Николай Васильевичъ Гоголь: Незданная его статья: „1834 г.“ и письма къ гр. С. С. Уварову и П. Н. Демидову. Сообщ. А. А. Гатцукъ.—Къ биографіи Н. В. Гоголя. Сообщ. Н. В. Быковъ.	761		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Ивана Александровича Аменникова, гравюра И. И. Матюшина съ портрета, писаннаго Кипренскимъ (1823 г.).—II. Портреты букарскаго эмира Мозаффаръ-Эддина и Кушь-Богя, гравированы въ Парижѣ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1888 г.

ВЪ СТРАНАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Путевыя впечатлѣнія Генрика Мозера

1882—1883 гг.

V ¹⁾.

Туземное населеніе Ташкента относится къ европейцамъ крайне недружелюбно, чтобы не сказать враждебно; причина этого кроется въ томъ, что ихъ вѣра и обычаи слишкомъ рѣзко отличаются отъ религіи и привычекъ пришлаго населенія

«Я подѣлился этими впечатлѣніями», говоритъ Мозеръ, съ однимъ товарищемъ, давно уже жившимъ въ Ташкентѣ.

«Какъ вы думаете, сказалъ я, удастся-ли вамъ побороть это враждебное къ вамъ отношеніе туземцевъ?»

— «Въ этомъ я твердо увѣренъ, отвѣчалъ онъ, взгляните на всѣхъ этихъ лѣнтяевъ, которые ничего не дѣлають, не терпя ни въ чемъ нужды; но когда они научатся пить водку, пролетаріатъ будетъ созданъ, бѣднякъ продастъ свое имущество, чтобы удовлетворить своей страсти къ вину и потомъ уже волей не волей примется за работу; отъ этого выиграетъ промышленность и вмѣстѣ съ тѣмъ наше вліяніе упрочится».

Итакъ, водка явится, быть можетъ, орудіемъ цивилизаціи въ этомъ краѣ!!

Вскорѣ по приѣздѣ Мозера въ Ташкентъ, ему удалось присутствовать на большихъ маневрахъ, которые происходили въ 6-ти верстахъ отъ города и воочію доказали, что полки, находящіеся въ Тур-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 137—167.

кестанѣ, составляя армию въ 26,600 человекъ, вполне заслуживаютъ названіе лучшей арміи нашей имперіи.

По окончаніи маневровъ, генераль-губернаторъ отправился въ лагерь, чтобы присутствовать на обѣдѣ, устроенномъ для офицеровъ. За столомъ М. Г. Черняевъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, въ которой онъ высказалъ свою симпатію къ французамъ и уваженіе, питаемое имъ къ французской арміи. «Господа, произнесъ генераль, русская армія встрѣтилась впервые на полѣ брани съ арміей французовъ почти сто лѣтъ тому назадъ, въ Италіи; съ тѣхъ поръ эти двѣ націи не разъ сходились на полѣ битвы какъ соперницы, но между тѣмъ всеѣмъ извѣстно, что между этими двумя арміями существуетъ симпатія, которую ничто не могло поколебать; симпатія эта вызвана храбростью, великодушіемъ и истинно рыцарскою доблестью французскаго войска. Я пью, господа, за французскую армію и за ея представителя, полковника Сермета, котораго мы имѣемъ удовольствіе видѣть среди насъ».

Полковникъ Серметъ отвѣтилъ на этотъ горячій привѣтъ тостомъ за туркестанскую армію; вслѣдъ за тѣмъ Черняевъ, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, обратился къ окружающимъ его солдатамъ, напомнивъ имъ славные подвиги, совершенные русской арміей въ этихъ отдаленныхъ странахъ, и выразилъ надежду, что они поддержать славу русскаго оружія, если имъ придется снова идти въ походъ.

Ознакомившись съ Ташкентомъ и со всеѣмъ тѣмъ, что заслуживало въ немъ вниманія, Мозеръ сталъ снова готовиться въ путь, намѣреваясь посѣтить Бухару вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ, отправлявшимся туда, имѣя во главѣ кн. Витгенштейна; отъѣздъ былъ назначенъ на 4-е октября 1883 года.

«Съ истинною грустью простился я съ генераломъ Черняевымъ. говоритъ Мозеръ, котораго я успѣлъ въ это время узнать очень близко; благодаря ему мнѣ удалось исполнить мою завѣтную мечту, побывать въ Ташкентѣ и объѣхать Среднюю Азію, поэтому немудрено, что сердце мое проникнуто чувствомъ искренней признательности къ этому генералу; во время моего пребыванія въ Ташкентѣ я могъ лично убѣдиться въ томъ, съ какими великими трудностями былъ сопряженъ постъ, принятый имъ отъ генерала Кауфмана, но я зналъ, что Черняевъ стоитъ на высотѣ этой задачи, отъ которой отказались бы многіе.

«Пожимая, на прощанье, руку Михаила Григорьевича, я не ожидалъ, что мнѣ придется услышать вскорѣ то горестное извѣстіе, которое дошло до меня во время моего пребыванія въ Закавказ-

скомъ краѣ. Хотя виды высшей власти его отозвали изъ Азіи, но всякій, бывшій свидѣтелемъ управленія Черныевымъ завоеванной имъ области, для которой онъ составлялъ столь обширные и полезные проекты, невольно чувствуетъ глубокое сожалѣніе по поводу столь успѣшнаго отозванія его съ этого поста».

Благодаря добротѣ и предупредительности генерала Черныева, Мозеръ, выѣхавшій изъ Ташкента вмѣстѣ съ бар. Серметомъ, опередивъ нѣсколько русское посольство, ѣхалъ безостановочно, съ удивительною быстротою; на всѣхъ станціяхъ для нихъ были заготовлены лошади, такъ какъ впереди ихъ ѣхала эстафета. Миновавъ такъ называемую Голодную степь, которая лишена въ зимнее время всякой растительности, по мѣрѣ приближенія къ Самарканду они встрѣчали все чаще и чаще огромныя рисовыя поля, прорѣзанныя многочисленными ручейками; благодаря этой превосходной системѣ орошенія ни одна капля Зеравшана не пропадаетъ даромъ, но содѣйствуетъ обогащенію этой плодородной мѣстности; дорога, идущая въ долину, осѣнена деревьями, жилища возвышаются среди рощицъ. Въ то время деревья эти представляли любопытное зрѣлище: сохранивъ еще свѣжую, зеленую листву, они были покрыты снѣгомъ, и это свидѣтельствовало о томъ, что зима настала тутъ вдругъ; дѣйствительно, въ этой мѣстности почти не бываетъ осени и весны, и трудно себѣ представить какъ могутъ туземцы переносить эти рѣзкія перемены температуры, тѣмъ болѣе, что жилища ихъ плохо защищены отъ вѣтра, и ихъ одежда также мало предохраняетъ отъ стужи.

«Русскіе принесли намъ снѣгъ и морозы», говорятъ они; дѣйствительно, со времени покоренія русскими—зимы стали здѣсь суровѣе.

Прибывъ въ Самаркандъ, путешественники отправились прежде всего съ вѣантомъ къ губернатору генералу Иванову. «Это старый степнякъ, не смотря на то, что ему не болѣе 45 лѣтъ; онъ живетъ уже въ этой мѣстности цѣлыхъ 20 лѣтъ; украшенный Георгіевскимъ крестомъ, онъ представляетъ собою типъ русскаго военнаго человѣка».

Отъ него Мозеръ отправился на базаръ, гдѣ онъ встрѣтилъ стараго знакомаго — сарта, у котораго покупалъ разныя вещи еще въ первую свою поѣздку въ Среднюю Азію. Купецъ тотчасъ узналъ его. Отобравъ у него нѣкоторыя вещи, Мозеръ началъ было торговаться, но тотъ остановилъ его съ перваго же слова.

«Вы, иностранцы, наши гости, сказалъ онъ; я былъ бы плохой мусульманинъ, если бы я запросилъ съ васъ лишнее». Это было сказано съ достоинствомъ, спокойно и съ чисто восточною вѣжливостью, не допускавшею возраженія, поэтому покупатель заплатилъ не торгуясь, а въ результатѣ оказалось, что сартъ жестоко надулъ ихъ.

Въ Самаркандѣ заслуживаетъ вниманія обширное медресе (университетъ), состоящее изъ мечети, въ которой до завоеванія русскими показывали знаменитый коранъ Ходви-Арара. Рассказываютъ, что этотъ святой человекъ получилъ этотъ коранъ въ знакъ особаго почтенія отъ одного калифа, и что коранъ этотъ писанъ рукою третьяго калифа Османа и запечатлѣнъ его кровью, нынѣ же говорятъ, будто онъ писанъ рукою Али, зятя Магомета; книга эта, величиною въ квадратный метръ, писана на пергаментѣ, кувическими знаками, безъ гласныхъ и точекъ, и принадлежала къ числу священныхъ предметовъ, пользовавшихся особеннымъ почитаніемъ на востокъ: въ настоящее время она находится въ императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Кромѣ медресе, въ Самаркандѣ заслуживаетъ вниманія мечеть Амадза, куда лѣтомъ стекается множество богомольцевъ, затѣмъ мечеть Икрада-хана, построенная Тимуромъ, и, наконецъ, Гурь-Эмиръ; гробница этого завоевателя, представляющая собою великолѣпное осмиугольное зданіе, роскошной архитектуры, въ которое ведетъ мраморная лѣстница и которое увѣнчано куполомъ.

Самая древняя часть города занята нынѣ кладбищемъ недалеко; оттуда находится могила святаго Даниара или пророка Данила и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея «производились въ 1883 г. раскопки, подъ наблюдениемъ полковника Крестовскаго. Каждый ударъ кирки обнаруживалъ новыя сокровища: изразцы, покрытые самыми великолѣпными рисунками, монеты, урны и проч. Результаты этихъ раскопокъ были, по всей вѣроятности, довольно значительны, такъ какъ въ 1885 г. изъ Петербурга былъ командированъ на мѣсто профессоръ Веселовскій, для производства дальнѣйшихъ работъ».

Всѣ зданія Самарканда, построенныя архитекторами персами, поразительны по своимъ грандіознымъ размѣрамъ и по чудесной окраскѣ; мечети покрыты орнаментами и надписями, которые поражаютъ своею простотою и изяществомъ: русскій археологъ Симанковъ, авторъ появившагося недавно изслѣдованія «Среднеазиатское искусство», пришелъ къ тому убѣжденію, что персидскіе орнаменты, считавшіеся до сихъ поръ оригинальными, суть не что иное, какъ подражаніе среднеазиатской монгольской орнаментовкѣ.

Въ Самаркандѣ г. Мозеръ встрѣтилъ своего стариннаго и хорошаго знакомаго, ген. Королькова, военного стараго закала, трудящагося непрестанно надъ преуспѣваніемъ и цивилизаціей этихъ отдаленныхъ странъ. Онъ изучилъ вполне основательно почву Туркестанскаго края и условія обработки въ немъ земли; изъ его интересныхъ бесѣдъ г. Мозеръ познакомился съ слѣдующими любопытными подробностями объ этомъ вновь приобрѣтенномъ русскими владѣніи.

«Плодородіе почвы въ Туркестанскомъ краѣ зависитъ исключительно отъ воды: нигдѣ не встрѣтишь столь поразительныхъ контрастовъ, какъ въ этой странѣ, гдѣ голая степь смѣняется оазисами съ самой роскошной растительностью; плодородіе этихъ оазисовъ зависитъ отъ замѣчательной канализаціи, которую можно сравнить лишь съ тѣми, что мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи въ Китаѣ. Эти каналы, нынѣ отчасти заброшенные и засыпанные пескомъ, были прорыты въ глубокой древности самымъ примитивнымъ способомъ, такъ какъ люди не имѣли еще въ ту отдаленную эпоху никакихъ понятій о гидравликѣ и не имѣли въ своемъ распоряженіи тѣхъ усовершенствованныхъ орудій, которыя находятся къ нашимъ услугамъ въ настоящее время. Къ тому же эта канализаціонная сѣтъ, покрывающая всю страну, не устраивалась по какому либо определенному плану и не находилась въ вѣдѣніи сложной администраціи: жители каждой деревни сами прорывали и поддерживали «арыки» или каналы, оплодотворяющіе ихъ поля, и устраивали гдѣ нужно плотины, представляющія собою просто напросто груды глины, поддерживаемую плетнемъ. Лица, обязанныя наблюдать за прорытіемъ и содержаніемъ этихъ каналовъ, называются «арыкъ-аксакалы»; избираются они самими земледѣльцами разныхъ округовъ и получаютъ вознагражденіе за свои труды натурою, смотря по урожаю; они же распределяютъ по деревнямъ необходимое количество воды: когда она имѣется въ изобиліи, то трудъ ихъ не великъ, но въ случаѣ засухи, напр. весною, до начала таянія снѣговъ, когда каждая капля воды цѣнится земледѣльцемъ на вѣсь золота, задача ихъ становится весьма трудною: встрѣчаются мѣстности, гдѣ одинъ каналъ долженъ оплодотворить пространство земли на протяженіи 30 километровъ и каждая деревня, каждое поле получаютъ воду по очереди, въ извѣстные дни и часы; поэтому трудъ арыкъ-аксакала требуетъ большой опытности и эти лица поистинѣ незамѣнимы: русское правительство вначалѣ пыталось ввести въ это сложное дѣло нѣкоторое однообразіе и подчинить его извѣстнымъ правиламъ, назначивъ арыкъ-аксакаламъ жалованіе отъ правительства и превративъ ихъ такимъ образомъ въ чиновниковъ, но эту мысль пришлось вскорѣ оставить, такъ какъ земледѣльцы умоляли, чтобы имъ было дозволено попрежнему самими вознаграждать этихъ людей.

«Пословица справедливо говоритъ: «посади въ желтую почву степи палку, проведи къ ней ручеекъ и на слѣдующій годъ у тебя будетъ деревцо». Въ этихъ словахъ кроется все преимущество земледѣльца Средней Азіи сравнительно съ нашимъ: въ Европѣ урожай зависитъ круглый годъ отъ погоды, совсѣмъ иное дѣло въ Туркестанѣ; дожди

составляютъ тутъ рѣдкость, градъ почти неизвѣстенъ, засухи устраняются орошеніемъ и, такимъ образомъ, вода вмѣстѣ съ солнцемъ является единственнымъ факторомъ плодородія почвы.

«Если каналы содержатся хорошо и воды въ нихъ достаточно, то урожай бываетъ ежегодно одинаково изобиленъ. Рядомъ съ полями, орошенными только что описаннымъ способомъ, есть клочки земли, расположенные по скатамъ горъ и получающіе влагу лишь отъ дождей; они даютъ поэтому лишь самый ничтожный урожай.

«Количество воды въ нашихъ европейскихъ рѣкахъ обыкновенно увеличивается по мѣрѣ удаленія ихъ отъ истоковъ, а Зеравшанъ, напротивъ того, чѣмъ дальше, тѣмъ становится мелководнѣе и арыки, наконецъ, совершенно истощаютъ его. Въ Каракулѣ онъ представляетъ собою лишь узенькій ручеекъ, который окончательно пересыхаетъ во время сильныхъ жаровъ.

«Между Самаркандомъ и Бухарой на желтоватой почвѣ пустыни выдѣляются тамъ и сямъ зеленѣющіе оазисы, эта лѣсистая, обработанная и населенная часть степи; все богатство «кишлаковъ» (деревень) въ этой мѣстности зависитъ отъ количества воды, приходящейся на ихъ долю.

«Русскіе, владѣющіе среднимъ теченіемъ Зеравшана, одно изъ развѣтвленій котораго, Шахри-Рудъ, доставляетъ воду г. Бухарѣ, держатъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ жизнь обитателей этого города и въ случаѣ войны между эмиромъ и русскими послѣднимъ стоитъ только запретить Зеравшанъ плотиной—и непріятель будетъ вынужденъ сдаться или погибнуть отъ голода и жажды.

«Долина Зеравшана представляетъ рядъ кишлаковъ, какъ бы одинъ нескончаемый садъ; лишь только кончаются земли одного кишлака, тотчасъ начинаются сады и поля другой деревни. Съ высоты эта долина имѣетъ видъ оживленной зеленѣющей ленты, извивающейся среди пустыни. Въ садахъ, обнесенныхъ стѣнами, находится обыкновенно посреднѣй бассейнъ воды, осѣненный карачемъ, среднеазиатской ивой, имѣющей тутъ видъ огромнаго дерева, лѣства котораго защищаетъ отъ солнечныхъ лучей. Ирригаціонные каналы обсажены миндальными, персиковыми и др. плодовыми деревьями, вдоль которыхъ вьется виноградная лоза. И что это за виноградъ! Мусульманскіе поэты воспѣвали его уже въ древнія времена въ своихъ стихахъ.

«Далѣе идутъ поля, засѣянные дынями и арбузами; клеверъ и люцерна, играющіе столь видную роль въ Европѣ, разводились здѣсь еще до Р. Х., точно также какъ хлопчатникъ, который былъ извѣстенъ уже въ историческія времена; но такъ какъ онъ не отли-

чается особенно высокимъ качествомъ, то его стараются замѣнить въ настоящее время «sea island'омъ», который даетъ превосходные результаты и общается въ будущемъ такой хлопкомъ, который въ состояніи будетъ соперничать съ лучшими американскими сортами этого растенія.

«Попытка насадить деревьями окрестныя горы Самарканда, произведенная ген. Корольковымъ, также даетъ удовлетворительные результаты; на нихъ прививаются сосны, туи и буковые деревья и это сулитъ въ будущемъ для страны огромное богатство, такъ какъ въ настоящее время тамъ совсѣмъ не имѣется строительнаго лѣса. Въ Самаркандѣ существуетъ, кромѣ того, питомникъ фруктовыхъ деревьевъ, заведенный въ послѣдніе годы, который далъ возможность снабдить туземцевъ около 10 тысячъ деревцовъ лучшихъ европейскихъ видовъ».

12-го октября (1883 г.) Мозеръ выѣхалъ изъ Самарканда; отъ этого города до Катта-Жургана, небольшого пограничнаго русскаго форта, лежащаго отъ него на разстояніи 60 верстъ, пришлось ѣхать три станціи; на первой изъ нихъ путешественниковъ ожидалъ пріятный сюрпризъ: кн. Витгенштейнъ, выѣхавшій изъ Самарканда нѣсколько ранѣе, ожидалъ ихъ на этой станціи, приказавъ изготовить прекрасный завтракъ, съ французскими винами. Находясь во главѣ посольства, отправленнаго въ Бухару, ген.-майоръ князь Фердинандъ Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ во все время путешествія относился къ своимъ спутникамъ какъ хозяинъ и притомъ какъ хозяинъ весьма гостепріимный и радушный; «будучи германецъ по происхожденію, и притомъ младшій сынъ въ семьѣ, онъ долженъ былъ поступить на службу въ чужую страну и началъ свою боевую карьеру въ рядахъ русской арміи на Кавказѣ, въ эпоху покоренія этой страны, и съ доблестью совершилъ, подъ начальствомъ кн. А. И. Барятинскаго, походъ противъ Шамиля. Обладая замѣчательною физическою силою, князь страстный спортсменъ и охотникъ, что не мѣшаетъ ему серьезно заниматься изученіемъ нравовъ и обычаевъ востока. Это одинъ изъ немногихъ офицеровъ, которые, прибывъ въ Туркестанъ уже въ значительныхъ чинахъ, сумѣли заслужить любовь туземцевъ, вотъ почему ему было поручено въ третій уже разъ вести переговоры съ бухарскимъ дворомъ о дѣлахъ первостепенной важности, тѣмъ болѣе, что онъ пользуется лично особымъ расположеніемъ эмира; такимъ образомъ князь Витгенштейнъ можетъ служить типомъ военнаго дипломата, каковой существуетъ только въ Россіи».

Кромѣ посланника, въ экспедиціи принимали участіе его адъютантъ, капитанъ Алабинъ, гвардейскій офицеръ, пріѣхавшій въ Тур-

кестанъ искать случая отличиться, докторъ Эрнъ, эстляндскій уроженецъ, человѣкъ весьма милый и обходительный, переводчикъ посольства Асламъ Бегъ и одинъ черкесъ.

Въ путешествіи по Средней Азій самая необходимая для путешественника вещь послѣ лошади—джигитъ; это нѣчто въ родѣ средне-вѣковаго ландскнехта, который нанимается въ услуженіе хорошо вооруженный и съ хорошою лошадыю; лучшіе и наиболѣе храбрые джигиты бывають изъ авганцевъ и туркменъ; обязанности ихъ заключаются въ слѣдующемъ; они смотрять за лошадыми, объѣзжаютъ ихъ и оказываютъ своему хозяину всевозможныя личныя услуги, не получая, впрочемъ, за все это никакого опредѣленнаго жалованья; джигита кормять также, какъ его коня и дѣлають ему подарки, когда онъ чѣмъ нибудь отличится; во время путешествія онъ служитъ проводникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣняетъ вооруженный конвой.

Г. Гродековъ упоминаеть о слѣдующемъ фактѣ, доказывающемъ преданность этихъ людей; одинъ джигитъ киргизъ былъ посланъ въ Хиву во время извѣстной экспедиціи Маркозова, заблудился въ степи и умеръ. Его сыновья отправились на поиски за нимъ, но имъ удалось розыскать лишь трупъ коня несчастнаго посланца, котораго тотъ вѣроятно убилъ, чтобы напиться его крови ¹⁾; однако, бумаги, довѣренныя ему, не пропали: палка, воткнутая въ песокъ, обозначала мѣсто, въ которомъ былъ зарытъ мѣшокъ съ денешами».

«Весьма любопытно, говорить г. Мозеръ, что во время путешествія по Средней Азій, въ противоположность европейскимъ обычаямъ, самое важное лицо ѣдетъ не во главѣ колонны, а въ срединѣ и даже въ хвостѣ колонны; поэтому мы все время наслаждались прелестнымъ и оживленнымъ зрѣлищемъ скачущихъ передъ нами лошадей и всадниковъ, что составляло единственное наше развлеченіе, ибо, вступивъ на почву Бухары, мы должны были отказаться отъ быстрой ѣзды, на которую были способны наши прекрасныя скакуны; церемонія требовалъ, чтобы нашъ поѣздъ двигался съ торжественною медленностью; въ добавокъ, лица столь важна, какъ мы, должны были говорить какъ можно меньше, никогда не должны смѣяться и выказывать нетерпѣнія».

¹⁾ Предположеніе это—основано не болѣе какъ на легендѣ въ родѣ той, что въ убитомъ верблюдѣ находятъ воду и утоляютъ ею жажду. Ч.

VI.

Первая остановка посольства на бухарской территоріи была въ Ширинъ-Катунѣ, небольшомъ городкѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ сынъ Заединскаго бега, долженствовавшій сопровождать посольство до самаго Заедина. Добравшись до этого города, путешественники отправились прямо къ жилищу бега, образуящему внутреннюю цитадель города, передъ которой былъ выстроенъ первый пикетъ туземныхъ солдатъ.

«Въ самой большой комнатѣ, куда насъ ввели, пишетъ Мозеръ, былъ накрытъ длинный столъ; передъ нимъ на почетномъ концѣ стояло кресло, обитое бархатомъ, на которое усѣлся князь; по правую руку отъ него стояло два кресла для насъ съ барономъ Серметомъ, а по лѣвую еще три кресла для прочихъ членовъ посольства; всѣ мы усѣлись съ покрытою головою передъ этимъ столомъ, на которомъ былъ поданъ дастраканъ,—такъ называется въ Средней Азии угощеніе, подаваемое въ честь пріѣзда какого нибудь лица и служащее знакомъ гостепримства, оказываемаго посѣтителю. Передъ нами на столѣ стояло до 50 фаянсовыхъ и металлическихъ блюдъ съ миндалемъ, виноградомъ, кишмишемъ, фисташками, абрикосами и проч.

«Сынъ бега, исполняющій обязанности хозяина дома, явился съ привѣтствіемъ; князь встрѣтилъ его сдержанно и передалъ ему при помощи переводчика, что посольство останется въ Заединѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ получено отъ эмира извѣстіе о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя сдѣланы для его пріема, о чемъ онъ проситъ сообщить эмиру.

«Князь говорилъ весьма холодно, ибо, зная правила бухарскаго церемоніала, онъ ожидалъ, что его встрѣтитъ не сынъ бега, а какой нибудь высшій сановникъ.

«По окончаніи обѣда, поданнаго намъ вслѣдъ за сладкимъ угощеніемъ, въ залу вошелъ Караулъ-Беги, важный бухарскій сановникъ, со свитою, и почтительно поклонившись князю, тогда какъ мы стояли съ покрытою головою, обратился къ нему съ рѣчью, въ которой онъ высказалъ, что эмиръ удостоилъ его чести выѣхать на встрѣчу русскому посланнику и привѣтствовать его со вступленіемъ на бухарскую почву и что кромѣ того эмиръ поручилъ ему сопровождать посольство до столицы и заботиться вообще о томъ, чтобы оно ни чемъ не нуждалось.

«На это привѣтствіе князь отвѣчалъ, что онъ умѣетъ цѣнить

оказанный ему хорошій приёмъ, и что ему весьма пріятно слышать, что его пріѣздъ радуеть его высочество.

«Церемоніаль требуетъ, чтобы послѣ этихъ первыхъ привѣтствій посланецъ эмира освѣдомился у посланника о здоровьи императора; князь же въ свою очередь долженъ былъ освѣдомиться о здоровьи эмира; затѣмъ послѣдовалъ вопросъ о здоровьи генералъ-губернатора, съ одной стороны, и Тура-джанъ (бухарскаго наслѣдника) съ другой стороны и т. д. Наконецъ, посланный освѣдомляется о здоровьи самага князя и ему представляютъ всѣхъ членовъ посольства.

«По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній является цѣлая масса служителей, неся предназначенные для насъ подарки; затѣмъ Карауль-Беги предлагаетъ намъ взглянуть на лошадей, которыя дарить намъ бегъ. Въ пакетѣ, предназначенномъ для меня, говоритъ Мозеръ, я нашелъ нѣсколько халатовъ, парчевый, кашемировый, атласный, два бухарскихъ халата и, наконецъ, два другихъ изъ «адресса», туземной полупелюковой, полубумажной ткани. Нашимъ слугамъ, начиная отъ джигитовъ и кончая казаками, также были розданы халаты; вообще заединскому бегу пришлось раздать по этому случаю по крайней мѣрѣ 150 халатовъ и 7 лошадей; то-же самое мы получали при каждой остановкѣ вплоть до Бухары, а затѣмъ и въ столицѣ, при каждомъ официальномъ посѣщеніи.

«На слѣдующій день, передъ отъѣздомъ, князь вручилъ подарки, предназначенные бегу съ нашей стороны; серебряныя вещи русскаго издѣлія, револьверы и парчевой халатъ.

«По мѣрѣ приближенія къ столицѣ бухарскаго ханства мѣстность становится все болѣе и болѣе плодородной, деревни попадаются чаще, вездѣ растетъ виноградникъ и хлопчатникъ.

«Наша кавалькада увеличивается съ каждымъ шагомъ и въ ней насчитываютъ, наконецъ, до 200 всадниковъ; однѣ лошади, полученные нами въ подарокъ, составляютъ цѣлую вереницу.

«Наконецъ, намъ выѣзжаютъ на встрѣчу еще два сановника бухарскаго двора, облеченные въ богатые парчевые халаты; имъ было поручено привѣтствовать посольство отъ имени эмира и сопровождать его до резиденціи.

«Подъѣхавъ къ столицѣ, мы должны были ожидать разрѣшенія эмира въѣхать въ городъ. Одинъ изъ джигитовъ отправился возвѣстить о нашемъ пріѣздѣ; наконецъ, разрѣшеніе было получено и мы двинулись по предмѣстьямъ Бухары, которыя весьма обширны и населены болѣе, нежели самый городъ.

«На слѣдующій день по пріѣздѣ нашемъ въ столицу Бухары, въ

МОЗАФФАРЪ-ЭДДИНЪ, ЭМИРЪ БУХАРСКІЙ.

1883 г.

домъ, отвѣденный для посольства, явился Рахметъ-Уллахъ, иранецъ, бывшій нѣкогда чрезвычайнымъ посломъ эмира при генералѣ Черняевѣ, и привѣтствовалъ насъ съ пріѣздомъ. Ему вручили одиннадцать писемъ, адресованныхъ эмиру и вложенныхъ въ портфель, изъ золотой парчи; содержаніе этихъ писемъ было, кажется, не по душѣ бухарскому сановнику, такъ какъ въ нихъ, между прочимъ, требовалось согласіе эмира на проведеніе телеграфной линіи отъ границы ханства до г. Бухары. Князь Витгенштейнъ, посѣтившій Бухару за годъ передъ тѣмъ, также въ качествѣ чрезвычайнаго посла, тогда уже предъявлялъ подобное требованіе Мозаффаръ-Еддину, но тотъ отвѣчалъ на него уклончиво, ссылаясь на то, что онъ ничего не можетъ рѣшить безъ согласія муръ и улемовъ, всесильныхъ въ Бухарѣ, и что подобное нововведеніе можетъ послужить поводомъ серьезныхъ волненій въ государствѣ.

«Вы можете повелѣть это своею властью, сказалъ онъ князю, такъ какъ наша жизнь въ вашихъ рукахъ; лишите насъ водъ Заравшана—и оазисъ будетъ въ вашей власти; жизнь моя коротка, я уже старъ; да будетъ воля Аллаха и Бѣлаго царя!»¹⁾ На этомъ остановились въ то время переговоры и теперь князю Витгенштейну было поручено возобновить ихъ.

«Рахметъ-Уллаху было извѣстно о дѣлѣ посольства еще во время его пребыванія въ Ташкентѣ; желая вести переговоры непосредственно съ самимъ министерствомъ, онъ добивался поста постоянного посланника въ С.-Петербургъ, поэтому всѣ его дѣйствія клонились къ тому, чтобы переговоры князя не увѣнчались успѣхомъ; тогда, по его расчету, веденіе этого дѣла было бы поручено ему, что, въ свою очередь, повлекло бы назначеніе его на тотъ постъ, коего онъ добивался. Съ этою цѣлью, этотъ восточный Макіавели убѣдилъ эмира отправить посольство къ генералу Черняеву, бывшему въ то время въ Самаркандѣ, чтобы начать переговоры непосредственно съ самимъ генералъ-губернаторомъ, но русское правительство, желая по возможности умалить значеніе азіатскихъ монарховъ, рѣшило въ принципѣ вести съ ними переговоры лишь черезъ второстепенныхъ своихъ администраторовъ, поэтому всѣ домогательства бухарскаго посольства окончились неудачею и когда оно вернулось ни съ чѣмъ, тогда только эмиръ рѣшился начать переговоры съ княземъ Витгенштейномъ, продержавъ насъ предварительно 17 дней въ бездѣйствіи и неизвѣстности. Съ этой минуты Рахметъ-Уллахъ не принималъ болѣе участія въ переговорахъ и дѣло пошло превосходно.

¹⁾ Прилагается портретъ бухарскаго эмира.

«РУССКАЯ ОБЛАДА» 1888 г., ТОМЪ LVII, МАРТЬ.

«18-го октября, во время нашего завтрака, къ намъ явились «миракуръ», чиновникъ, на обязанности котораго лежало представить посольство эмиру, и «инакъ», высшій послѣ визиря придворный чиновникъ, и объявили, что мы будемъ въ тотъ же день приняты эмиромъ въ торжественной аудіенціи. Согласно принятому обычаю, всѣмъ лицамъ, принадлежавшимъ къ посольству, было предложено наканунѣ взять ванну въ одномъ изъ большихъ «гаммановъ» (общественныя бани) Бухары, такъ какъ, прежде чѣмъ явиться монарху, всякій долженъ подвергнуться предварительному омовенію.

«Сановники, присланные Мозаффаръ-Эддиномъ, осмотрѣли подарки, привезенные нами для эмира; самымъ драгоценнымъ изъ нихъ была великолѣпная сабля, осыпанная драцѣнными камнями, подарокъ наследнику бухарскаго престола, затѣмъ двѣ вазы, отдѣланныя въ серебрѣ, и эмалированный чайникъ—подарки генерала Черныява эмиру.

«Ровно въ часъ дня мы вышли изъ дома посольства, предшествуемые инакомъ, на которомъ былъ дорогой бархатный халатъ, вышитый солидами, величиною съ десертную тарелку; насъ окружала толпа придворныхъ джигитовъ; весь поѣздъ состоялъ изъ 150 всадниковъ, что представляло чрезвычайно красивое зрѣлище; поѣздъ двигался въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхало 2 эссаулъ-бали, вооруженные палками, чтобы разогнать толпу, за ними наши джигиты, арба съ подарками, инакъ, миракуръ, окруженные придворными, наконецъ, князь въ казацкой шапкѣ и полной парадной формѣ, весь увѣшанный орденами.

«Всѣ прочіе также были въ парадной формѣ и этотъ разъ мнѣ пришлось пожалѣть, говорить г. Мозеръ, что у меня не было мундира. Г. Струве, одинъ изъ первыхъ русскихъ посланниковъ при бухарскомъ дворѣ, рассказывалъ мнѣ, что когда онъ представлялся эмиру во фракѣ, то тотъ посмотрѣлъ на него пристально и приказалъ подать ему халатъ, чтобы накрыться.

«Эмиръ назначилъ посольству аудіенцію въ одномъ изъ своихъ лѣтнихъ дворцовъ; едва вступивъ во дворецъ этого жилища, инакъ сошелъ съ лошади и предложилъ князю сдѣлать то же; заставить посланника сойти съ коня какъ можно далѣе отъ тѣхъ комнатъ, гдѣ онъ будетъ принятъ монархомъ, считается особенно желательнымъ, такъ какъ эмиръ, вынужденный подчиняться всѣмъ требованіямъ Россіи, не упускаетъ случая поддержать обаяніе своей власти въ глазахъ своего народа, который не въ состояніи еще понять, что можетъ существовать власть, сильнѣе власти его монарха.

«Однако, русскіе не всегда поддавались этимъ маленькимъ комедіямъ, что свидѣтельствуетъ отвѣтъ одного изъ русскихъ дипломатовъ

на замѣчавіе перваго министра бухарскаго эмира. Удивленный молодостью этого дипломата, Кушъ-Беги спросилъ его:

— «Понимаетъ ли Бѣлый Царь все значеніе моего властителя, что онъ прислалъ къ нему столь молодаго посланника?»

— «Если бы императоръ зналъ эмира, отвѣчалъ ему посланникъ, то онъ послалъ бы къ нему козла, и то было бы для него слишкомъ большою честью!»

«Во второмъ дворѣ, куда мы вступили, стояли тѣлохранители эмира и тутъ же собрались всѣ высшіе сановники бухарскаго двора, одѣтые сообразно своимъ чинамъ; болѣе мелкіе чиновники носятъ халаты изъ канауса, шелка всѣхъ цвѣтовъ, атласа, бархата или кашемира, а высшіе сановники — парчевые халаты; у всѣхъ на головѣ были бѣлыя чалмы; всѣ эти сановники присоединились къ нашей свитѣ. Минувавъ садъ, окружающій дворецъ, мы вступили на террасу, ведущую въ покои эмира. Тутъ насъ встрѣтили опередившіе насъ инакъ, Рахметъ-Уллахъ и миракуръ; они шли задомъ, отъшпивая на каждомъ шагу низкіе поклоны. Поровнявшись съ ними, мы остановились; инакъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, бросилъ взглядъ въ полутворенную дверь и, отступивъ назадъ, съ видомъ благоговѣйнаго ужаса, сдѣлалъ знакъ князю, что можно идти далѣе.

«Эти признаки боязни, эта дрожь въ голосѣ, съ какою говорятъ приближенные эмира въ его присутствіи, неволью дѣйствуютъ на нервы самаго хладнокровнаго человѣка, когда вспоминаешь при этомъ, что недавно еще одинъ взглядъ этого монарха могъ стоить жизни европейцу.

«Вслѣдъ за княземъ и мы вступили въ обширную залу, устланную ковромъ, въ глубинѣ которой возсѣдалъ на тронѣ эмиръ Бухары Сейдъ-Мозаффаръ-Эдинъ-ханъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ него у стѣны было поставлено обитое краснымъ бархатомъ кресло для князя, два стула для капитана Алабина и для доктора, а посреди комнаты, напротивъ трона, стояли два кресла для полковника Сермета и для меня.

«Сейдъ-Мозаффаръ-Эдинъ-ханъ, считающій себя по женской линіи потомкомъ Чингисъ-хана, родился въ 1823 г. и, будучи назначенъ 17-ти лѣтъ отъ роду бегомъ Кархи, жилъ въ совершенномъ бездѣйствіи до 1832 г., когда по смерти отца онъ вступилъ на бухарскій престолъ. Какъ мусульманинъ и фанатикъ, онъ окружилъ себя съ первыхъ же дней своего царствованія наиболѣе вліятельными улемами¹⁾

¹⁾ Законовѣды.

и управлялъ своими владѣніями весьма благоразумно, во всемъ слѣдующаго строго предписаніямъ корана.

«Набѣги туркменъ и смѣлыя нападенія афганцевъ, опустошавшихъ лѣвый берегъ Аму-Дарьи, вывели его изъ этого религіознаго экстаза. Въ это самое время М. Г. Черняевъ совершалъ покореніе Туркестана; эмиръ отправилъ ему письмо слѣдующаго содержанія: «Я здоровъ, требую, чтобы ты отступилъ, иначе я объявлю священную войну». Генералъ Черняевъ отвѣчалъ на это оригинальное посланіе также весьма лаконически: «Я тоже здоровъ и съ помощью Божіею буду скоро въ твоей столицѣ». Послѣдствія этой переписки извѣстны.

«Мозафаръ-Еддинъ, шестидесятилѣтній старикъ, значительно постарѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его послѣдній разъ; онъ былъ нѣкогда замѣчательно красивъ и глаза его сохранили до сихъ поръ юношескій блескъ; но вообще на лицѣ его отразилось утомленіе; лицо его кажется весьма симпатичнымъ, когда онъ улыбается; когда же онъ молчитъ, то его взглядъ имѣетъ какое-то неопредѣленное выраженіе.

«Насъ чрезвычайно заинтересовалъ его костюмъ; во время прежнихъ аудіенцій онъ надѣвалъ халаты, болѣе или менѣе разукрашенные драгоценными камнями; этотъ же разъ онъ надѣлъ на себя мундиръ, и, по правдѣ сказать, мундиръ въ высшей степени фантастичный. Представьте себѣ верхнюю одежду изъ бархата кирпичнаго цвѣта, спускающуюся ниже колѣнъ, изъ-подъ которой торчалъ халатъ на мѣху; на груди и на полахъ этой одежды, въ видѣ треугольниковъ и другихъ фигуръ, были нашиты широкіе генеральскіе галуны; наконецъ, на немъ красовались густые золотые эполеты, попавшіе сюда, вѣроятно, отъ какого-нибудь русскаго генерала; на груди, справа и слѣва, видѣлись звѣзды св. Станислава и св. Анны, украшенные алмазами, а между ними висѣла бухарская звѣзда — орденъ, учрежденный недавно по случаю коронаціи русскаго императора и украшенный брилльянтомъ величиною въ голубиное яйцо; надъ этимъ орденомъ были прицѣплены еще двѣ звѣзды того же самаго ордена, изъ коихъ одна была украшена тремя, а другая четырьмя брилльянтами; наконецъ, гораздо ниже, на животѣ красовался цѣлый рядъ золотыхъ звѣздъ, все того-же бухарскаго ордена, представлявшихъ собою настоящую коллекцію драгоценныхъ камней; надѣвая съ полъ-дюжины звѣздъ одного и того-же ордена, эмиръ, очевидно, не имѣетъ яснаго представленія о значеніи этихъ знаковь отличія.

«Войдя въ тронную залу, князь подошелъ къ эмиру и, пожавъ ему руку, представилъ всѣхъ насъ по очереди; эмиръ протянулъ

каждому изъ насъ свою тонкую, худощавую руку и благосклонно улыбнулся намъ. Когда всё усьлисъ, кромѣ переводчика Асламъ-бега, стоявшаго возлѣ трона, то эмиръ, говоря весьма слабымъ голосомъ, велѣлъ передать князю, что онъ радъ присутствію его въ Бухарѣ, а равно присутствію иностранцевъ, пріѣхавшихъ столь издалека.

«На это привѣтствіе кн. Витгенштейнъ отвѣчалъ, что онъ почитаетъ для себя за особое счастье, что императоръ въ третій разъ назначаетъ его посломъ въ Бухару, присовокупивъ, что онъ привезъ саблю, которую Е. И. В. посылаетъ наследнику, и что хотя сабля представляетъ собою орудіе войны, но въ данномъ случаѣ, по словамъ государя, она должна служить эмблемою и залогомъ дружественныхъ чувствъ.

«Эмиръ, который по правиламъ этикета, говорить во время торжественныхъ аудіенцій весьма мало, утвердительно кивнулъ въ отвѣтъ на это головою; затѣмъ въ залѣ водворилось глубокое молчаніе. Мы сидимъ минутъ съ пять не шевелясь и не смѣя взглянуть другъ на друга изъ боязни разразиться смѣхомъ. Эмиръ видимо томится, сидитъ сложа руки на животѣ и болтаетъ ногами, которыя висятъ на воздухѣ, такъ какъ его тронъ довольно высокъ.

«Наконецъ, князь велитъ спросить у его высочества имѣетъ ли онъ что-либо сообщить ему?

«Тогда эмиръ все тѣмъ-же едва слышнымъ, утомленнымъ голосомъ спрашиваетъ, кто будетъ служить переводчиками для иностранныхъ гостей; князь отвѣчаетъ, что переводчиками будутъ онъ самъ и Асламъ-Бегъ.

«Послѣ новаго молчанія князь заявляетъ о своемъ намѣреніи удалиться, на что эмиръ отвѣчаетъ кивкомъ въ знакъ согласія и мы проходимъ мимо трона и еще разъ удостоиваемся рукопожатія эмира, при чемъ его безучастное лицо вновь озаряется улыбкою.

«Въ одномъ изъ павильоновъ дворца для насъ было приготовлено угощеніе; тутъ намъ вручили подарки эмира: два коня и кипуха латовъ для князя, а для каждого изъ насъ по одному коню и по 10 халатовъ, изъ коихъ одинъ кашемировый, замѣчательной тонкости и цвѣта.

«Салемъ или аудіенція у эмира послужила сигналомъ для цѣлага ряда официальныхъ визитовъ къ разнымъ высшимъ придворнымъ сановникамъ; эти приемы, дѣлаемые по повелѣнію эмира, должны были также служить для насъ знакомъ его особой милости. Первый нашъ визитъ былъ къ Кушъ-Бегу, важному сановнику, занимавшему первое мѣсто при дворѣ эмира. Онъ жилъ въ Урдѣ или цитадели, представляющей собою какъ бы отдѣльный городъ въ стѣнахъ сто-

лицы и служащей въ то-же время резиденціей эмира; тутъ хранятся, между прочимъ, въ особыхъ магазинахъ всѣ подарки, полученные эмиромъ отъ монарховъ и отъ разныхъ посѣтителей; говорятъ, что цѣлыя комнаты наполнены тутъ серебряными вещами, оружіемъ и драгоценными предметами; но никто не видалъ этихъ сокровищъ, собираемыхъ эмиромъ, который ввѣрилъ ихъ храненію Кушъ-Беги, вотъ почему этотъ сановникъ никогда не отлучается изъ цитадели.

«Когда мы вступили во дворъ крѣпости, Кушъ-Бегъ вышелъ намъ на встрѣчу, протянувъ князю въ знакъ привѣтствія обѣ руки; это маленький старичекъ лѣтъ шестидесяти, съ сѣдой бородою, съ взоромъ быстрымъ и пронизательнымъ; онъ весьма привѣтливъ и лѣстивъ, но въ сущности человекъ въ высшей степени хитрый.

«Согласно обычаю, для насъ былъ приготовленъ дастраканъ и вслѣдъ за нимъ обѣдъ, состоявшій изъ нескончаемаго числа туземныхъ кушаній, до которыхъ, впрочемъ, мы едва дотрогивались, какъ того требовали правила этикета. Такъ какъ Кушъ-Бегъ сидѣлъ за столомъ рядомъ со мною, то я могъ вдоволь разсмотрѣть его. По его манерамъ никакъ нельзя было бы сказать, что это бывший невольникъ и поварь эмира; его одежда отличалась замѣчательнымъ богатствомъ: громадная чалма была усыпана изумрудами и рубинами, на бѣломъ атласномъ халатѣ, по золотой и серебряной парчѣ, были вышиты всевозможные узоры настоящимъ жемчугомъ. Его маленькіе, быстрые глаза такъ и бѣгали отъ одного къ другому, въ нихъ отражались всевозможныя чувства; когда же ему вручили наши подарки, то они заискрились отъ удовольствія. Чрезвычайно нуждаясь въ немъ для моего путешествія по Аму-Дарьѣ, я привезъ ему вызолоченную чашу, вѣсомъ въ пять фунтовъ, весьма изящной работы, наполненную разными мелочами: духами, косметиками и пр. Наше посѣщеніе окончилося торжественной передачей намъ подарковъ, состоявшихъ, также какъ и подарки эмира, изъ халатовъ и коней со сбруей, съ тою разницею, что лошади, подаренныя намъ Кушъ-Бегу, были страшнѣйшія клячи, а халаты были буквально всѣ поѣдены молью.

«Изъ безчисленнаго множества оффиціальныхъ пріемовъ и дастракановъ, устроенныхъ въ честь нашего пріѣзда, заслуживаетъ упоминанія смотръ, произведенный, по повелѣнію эмира, въ нашемъ присутствіи начальникомъ артиллеріи. По правдѣ сказать, мнѣ очень хотѣлось увидѣть вновь бухарскихъ солдатъ, которые не разъ забавляли меня своими ученіями во время моей первой поѣздки въ Бухару. Меня чрезвычайно удивилъ и насмѣшилъ тогда одинъ маневръ, производившійся солдатами весьма стройно: по данному сигналу они пускались бѣжать, затѣмъ, заслышавъ вторичный сигналъ, бросались

спинкою на землю и начинали болтать ногами по воздуху. Впоследствии одинъ русскій офицеръ, участвовавшій во взятіи Самарканда, объяснилъ мнѣ эту странную военную эволюцію: когда русская пѣхота перешла въ бродъ Зеравшанъ, съ намѣреніемъ напасть на бухарцевъ, расположившихся на противоположномъ берегу, то у солдатъ сапоги, разумѣется, наполнились водою, тогда они легли на спину и подняли ноги кверху, чтобы дать водѣ стечь и чтобы имъ было такимъ образомъ легче идти далѣе. Бухарцы, видѣвшіе все это, приняли это за особый маневръ и, будучи побиты русскими, сочли его образцовымъ и ввели у себя.

«Парадъ, о которомъ было упомянуто выше, прошелъ превосходно; бухарское войско казалось прекрасно дисциплинированнымъ, солдаты были одѣты безукоризненно; оказывается, что солдаты уже съ дѣтства начинаютъ изучать сигнальные знаки, коихъ насчитываютъ до 150; пятнадцати лѣтъ они поступаютъ въ армию волонтерами и служатъ до 20-лѣтняго возраста. По окончаніи парада начальнику артиллеріи были переданы отъ насъ подарки: все тѣ-же неизбѣжные халаты и лошади».

Во все пребываніе г. Мозера въ столицѣ Бухары ему удалось всего только одинъ разъ осматривать городъ; все остальное время, которое не было занято официальными визитами, онъ проводилъ въ своихъ покояхъ, точно также какъ и всѣ прочіе члены посольства; на всѣ ихъ попытки выйти на улицу имъ отвѣчали вѣжливымъ отказомъ. Когда, наконецъ, былъ назначенъ день для осмотра города, то они посѣтили прежде всего Иръ-Назаръ-медрессе, пестрое на деньги, пожалованная императрицей Екатериной II; «всѣхъ медрессе (университетовъ), коими славится Бухара, насчитываютъ въ этой столицѣ до 100 и множество студентовъ получаютъ въ нихъ высшее образованіе; богатые являютя въ нихъ только для слушанія лекцій, а бѣднымъ отводятся помѣщенія въ самомъ зданіи медрессе. Надобно замѣтить, что образованіе чрезвычайно распространено въ этой странѣ; неграмотные составляютъ тутъ рѣдкость; въ одной Бухарѣ насчитываютъ до 1000 элементарныхъ школъ, содержимыхъ не казною, а самимъ обществомъ; въ каждой улицѣ имѣется своя школа, въ которую учитель избирается родителями учащихся дѣтей и содержится на ихъ счетъ.

Начальное образованіе начинается съ 5-ти-лѣтняго возраста и продолжается до 7—8 лѣтъ; когда ученики усвоятъ азбуку и научатся немного писать, то они начинаютъ учить отрывки изъ корана, а когда научатся читать и переписывать Фарзенъ и Чаръ-Китѣбъ, двѣ книги, заключающія въ себѣ всѣ знанія, необходимыя для человѣка, то образованіе ихъ считается оконченнымъ и они могутъ поступать въ медрессе. Школы для дѣвочекъ также весьма многочисленны.

Покончивъ осмотръ учебныхъ заведеній, путешественники посѣтили базары, которые далеко не такъ оживлены, какъ базары Ташкента, купцы показываютъ свои товары какъ бы нехотя; главнымъ предметомъ вывозной торговли въ Бухарѣ является хлопчатая бумага, которая, надобно замѣтить, во многомъ уступаетъ американскому хлопку; затѣмъ идутъ шелковыя ткани, сарнакъ или шелковые очески и бараній мѣхъ, извѣстный въ Бухарѣ подъ названіемъ «каракулей».

27-го октября (1883 г.) русское посольство было принято въ торжественной аудіенціи Тіура-джавомъ, бухарскимъ наслѣднымъ принцемъ; это красивый, молодой человекъ 24-хъ лѣтъ (1883 г.), съ черной шелковистой бородою, умными глазами и изящными манерами. Онъ встрѣтилъ князя съ изысканною вѣжливостью и съ сердечнымъ чувствомъ; однако, было замѣтно, что онъ чѣмъ-то озабоченъ. Будучи посланъ эмиромъ на коронацію нынѣ царствующаго Императора, онъ встрѣтилъ въ Россіи весьма радушный пріемъ и, какъ человекъ умный, весьма скоро понялъ, чѣмъ отличаются западныя державы отъ его отечества, представляющаго собою какъ бы островокъ среди песчаной пустыни, и который правительство эмира такъ долго старалось устранить отъ соприкосновенія съ европейской цивилизаціей. Въ Россіи его обласкали и всюду привѣтствовали какъ наслѣдника престола бухары; быть можетъ, именно это обстоятельство и вызвало неудовольствіе къ нему со стороны отца; какъ бы то ни было, онъ находится съ тѣхъ поръ въ немилости; чувствуя себя окруженнымъ соглядатаями эмира, онъ былъ съ европейцами не болѣе какъ вѣжливъ.

«На слѣдующій день посольство было съ официальнымъ визитомъ у инака или министра торговыхъ дѣлъ (*ministre du commerce*), сына Кушъ-Беги, челевѣка, имѣющаго въ настоящее время наибольшее вліяніе на дѣла; съ нимъ бесѣда шла весьма оживленно; онъ интересовался разными подробностями о Швейцаріи и съ своей стороны настаивалъ на томъ, что его монарху доставило особенное удовольствіе пребываніе въ его столицѣ иностранца, пріѣхавшаго столь издалека ¹⁾).

«1-го ноября (1883 г.) насъ посѣтилъ наперсникъ эмира, продолжаетъ свой рассказъ г. Мозеръ; это простой «хаджи», по имени Ходья-Уракъ; онъ явился съ извѣстіемъ, что мы будемъ вновь приняты эмиромъ и что по этому случаю иностранцы, желающіе продолжать свой путь, могутъ откланяться его высочеству.

«Дѣйствительно, на слѣдующій день, ровно въ 12 часовъ дня, за нами, въ зданіе посольства, явился почетный караулъ, предводимый инакомъ; аудіенція должна была происходить въ Шеръ-Бодийѣ, люби-

¹⁾ Прилагается здѣсь портретъ Кушъ-Беги.

КУШЪ-БЕГУИ.

1883 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1898 г.

мой резиденціи эмира, въ 3½ верстахъ отъ столицы. Посреди огромной залы, одна сторона которой занята окнами, идущими отъ потолка до пола, стоялъ тронъ, на которомъ возсѣдалъ эмиръ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, влѣво отъ трона, было приготовлено два кресла, для кн. Витгенштейна и его адъютанта; докторъ и второй переводчикъ помѣстились на стульяхъ; вправо стояли два кресла, для полковника Сермета и для меня. Во всей огромной комнатѣ не было никакой другой мебели, но полъ былъ устланъ европейскими коврами. Странная вещь, между тѣмъ какъ у насъ стараются безуспѣшно подражать ковровымъ тканямъ востока, здѣсь, въ тронной залѣ азиатскаго монарха, встрѣчаются произведенія нашей промышленности.

«Мы удостоились поочередно пожать руку эмиру, который этотъ разъ былъ одѣтъ въ красный бархатный халатъ, вышитый драгоценными камнями; онъ отнесся къ намъ съ тою же особенною любезностью, какъ и въ первую аудіенцію; освѣдомился—довольны ли мы пребываніемъ въ его владѣніяхъ. Лишь только мы усѣлись, кн. Витгенштейнъ заявилъ, что иностранные гости явились къ его в—ву съ просьбою дозволить имъ уѣхать обратно. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ бар. Серметомъ, я обратился также къ эмиру съ рѣчью, въ которой высказалъ ему, что я первый изъ швейцарцевъ переступилъ предѣлы Бухары и, возвратясь домой, расскажу имъ о гостепріимномъ пріемѣ, который былъ оказанъ мнѣ во владѣніяхъ эмира. Затѣмъ я обратилъ вниманіе его в—ва на то обстоятельство, что между моей родиной и владѣніями его свѣтлости есть нѣкоторое сходство; ученыхъ въ Швейцаріи, какъ и въ Бухарѣ, весьма много и швейцарскія медресе долгое время славилась въ Европѣ, подобно тому, какъ медресе Бухары славятся во всей Азіи.

«Эмиръ отвѣчалъ мнѣ на это увѣреніемъ, что онъ весьма радъ пріѣзду въ его владѣнія иностранныхъ гостей и тому, что я доволенъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ Бухарѣ. «Скажи своему государю», прибавилъ онъ, «что я радуюсь тому, что онъ прислалъ тебя ко мнѣ; передай ему отъ меня поклонъ и скажи ему, что всѣ тѣ, кого онъ пошлетъ сюда, также будутъ желанными гостями.

«Что касается насъ, прощальная аудіенція была окончена; мы откланялись эмиру и удалились изъ залы, оставивъ тамъ русское посольство. Пройдя нѣсколько обширныхъ залъ, мы усѣлись за предложенное намъ, по обычаю, угощеніе, во время котораго я вступилъ въ бесѣду съ «хаджи», наперсникомъ эмира, говорившимъ немного по русски; оказалось, что онъ исходилъ съ палкою въ рукахъ буквально всю Азію, побывалъ въ Меккѣ, пять лѣтъ прожилъ въ Стамбулѣ и лично знаетъ многихъ коронованныхъ особъ.

«Во время этой бесѣды въ намъ присоединился кн. Витгенштейнъ

и его свита; по лицу князя тотчасъ было замѣтно, что онъ доволенъ результатомъ своихъ переговоровъ; дѣйствительно, эта аудіенція была рѣшительная и эмиръ согласился, наконецъ, на главные требованія, предложенныя ему княземъ: онъ изъявилъ свое согласіе на устройство телеграфной линіи отъ границы русскаго Туркестана до Бухары. Надобно хорошо знать эту страну, чтобы понять какую нравственную побѣду одержалъ Черняевъ надъ упрямствомъ и фанатизмомъ бухарцевъ, добившись этой уступки, которой онъ придавалъ особенное значеніе. Его имя навсегда останется связаннымъ съ этою брешью, пробитой имъ въ китайской стѣнѣ, отдѣляющей владѣнія эмира отъ цивилизованнаго міра.

«Первая мысль и энергичное преслѣдованіе этой дѣли принадлежать М. Г. Черняеву, точно также какъ честь выполненія этого плана принадлежить безспорно кв. Витгенштейну, выказавшему въ этомъ случаѣ замѣчательныя дипломатическія способности.

«Всѣ мы были обрадованы одержанною побѣдою и не могли налюбоваться подарками, полученными нами, которые превосходили великолѣпіемъ всѣ предшествовавшіе.

«Между тѣмъ явился инакъ съ приглашеніемъ отъ имени эмира переночевать въ Шеръ-Бодинѣ. Провести ночь подъ одной крышею съ эмиромъ считается величайшею честью, которой можетъ удостоиться человѣкъ: до сихъ поръ ни одному посольству не было оказано этой чести.

«Къ моему величайшему удовольствію, эмиръ изъявилъ свое согласіе на то, чтобы я снялъ фотографическіе виды его дворца и дозволилъ даже фотографировать придворныхъ чиновниковъ; снимки удались какъ нельзя лучше; весьма комично было видѣть страхъ мусульманъ передъ моимъ маленькимъ инструментомъ.

«На слѣдующій день меня ожидалъ пріятный сюрпризъ: передъ нашимъ отъѣздомъ изъ дворца Хаджи-Уракъ вручилъ мнѣ, отъ имени эмира, на память моего пребыванія въ его столицѣ, орденскіе знаки бухарской звѣзды второй степени; она представляла собою массивную золотую бляху, вѣсомъ около фунта и величиною съ блюдечко; этотъ крайне оригинальный орденъ носится на груди и, кажется, изъ ино-странцевъ я получилъ его первый».

6-го ноября г. Мозеръ простился съ Бухарой; передъ самымъ отъѣздомъ эмиръ оказалъ ему еще одно вниманіе, приславъ къ нему инака и своего приближеннаго Хаджи-Урака съ пожеланіемъ ему счастливаго пути и назначивъ состоять при немъ новаго техмендара (официальнаго гоффурьера) мирзу Мохамедъ-Али, коему было приказано сопровождать г. Мозера до Чарджун. На этомъ пути всѣ беги были предувѣдомлены о проѣздѣ путешественника, ѣхавшаго какъ гость

эмира; поэтому они выѣзжали ему на встрѣчу съ цѣлой свитой и предлагали угощеніе. Такимъ образомъ онъ достигъ благополучно Чарджуи, резиденціи наслѣднаго принца, Тіура-Джана; все населеніе города высыпало на встрѣчу пріѣзжему; у городской стѣны, среди роскошнаго сада, было приготовлено для него помѣщеніе. На слѣдующій день онъ былъ принятъ Тіура-Джаномъ, который бесѣдовалъ съ нимъ съ полъ-часа, былъ чрезвычайно любезенъ и много разспрашивалъ его о Швейцаріи и обѣщаль оказать ему свое содѣйствіе въ дальнѣйшемъ его путешествіи.

На слѣдующій день г. Мозеръ получилъ отъ принца великолѣпные подарки: десять роскошныхъ чапановъ и превосходнаго туркменскаго коня со сбруей: уздечка изъ чистаго золота была усыпана бирюзой, а бархатный чепракъ украшенъ золотыми блестками; кромѣ того, онъ прислалъ ему двухъ превосходнѣйшихъ туркменскихъ борзыхъ собакъ и охотничьяго сокола, повелѣвъ сказать ему, что этимъ онъ обезпечиваетъ ему продовольствіе на все время путешествія, такъ какъ, имѣя превосходныхъ лошадей, борзыхъ собакъ и сокола, всегда будетъ обезпеченъ пищею въ этой мѣстности, изобилующей всякаго рода дичью. Это были, поистинѣ, царскіе подарки, такъ какъ пара подобныхъ борзыхъ собакъ стоитъ цѣлое состояніе, а хорошій соколъ равняется цѣнностью доброму коню.

Лѣвый берегъ Аму-Дарьи за Чарджуи представляетъ собою оазисъ, по которому среди обработанныхъ полей разсѣяны жилища, но за Динау начинается область песковъ, простирающаяся до самой границы Хивинскаго ханства. У Иль-Джика, лежащаго на правомъ берегу Аму-Дарьи, г. Мозеръ расстался съ конвоемъ, даннымъ ему Тіура-Джаномъ, и поплылъ на баркѣ по рѣкѣ, приставая время отъ время къ берегу, чтобы поохотиться; такимъ образомъ онъ добрался до Учъ-Учака, послѣдняго бухарскаго форта, лежащаго на правомъ берегу Аму-Дарьи. Начиная съ этого пункта, по правую сторону рѣки, тянется вновь присоединенная къ Туркестанскому краю Аму-Дарьинская область, а по лѣвую сторону начинаются владѣнія хивинскаго хана. Вплоть до Акъ-Камыша, правый берегъ рѣки заселенъ аулами туркменскаго племени Ата, нынѣ покорнаго и смирнаго, которое управляется волостными старшинами, избираемыми самими туркменами.

«Наконецъ, послѣ многодневнаго плаванія по рѣкѣ, я достигъ, рассказываетъ г. Мозеръ, Петро-Александровска, вновь построеннаго русскаго форта, въ которомъ первый разъ по прошествіи вѣсколькихъ мѣсяцевъ я имѣлъ удовольствіе растянуться на настоящей кровати, застланной чистымъ бѣльемъ, и могъ, наконецъ, снять съ себя

верхнюю одежду, въ которой я спалъ, не раздѣваясь съ отъѣзда изъ Чарджуи.

«На слѣдующій день меня ожидалъ радушный пріемъ у генерала Гротенгельма, губернатора этой провинціи; хотя я зналъ этого генерала съ давнихъ поръ, но все же М. Г. Черняевъ снабдилъ меня рекомендательными къ нему письмами. Въ его миломъ семействѣ я провелъ лучшія минуты пребыванія моего въ этой крѣпости; меня уговаривали даже поселиться тутъ навсегда. «Черезъ нѣсколько недѣль вы сдѣлаетесь тутъ домовладѣльцемъ», убѣждали меня: «за 50 рублей здѣсь можно построить домъ и даже весьма уютный».

«Но это предложеніе не соблазнило меня, я спѣшилъ отправиться въ Хиву; генералъ Гротенгельмъ поручилъ консулу хивинскаго хана, Абась-Ніась-Мехрему, сопровождать меня до столицы ханства. Я хотѣлъ сдѣлать ему визитъ, но генералъ отговорилъ меня отъ этого: «Я пришлю его къ вамъ, сказалъ онъ, съ этими людьми нечего церемониться».

«Хотя фортъ Петро-Александровскій существуетъ уже около 10 лѣтъ, но въ немъ нѣтъ никакихъ прочно возведенныхъ зданій: частные дома представляютъ собою жалкія глиняныя лачуги, такъ и чувствуется, что эта крѣпостца не болѣе, какъ временный этапъ».

Отдохнувъ въ Петро-Александровскѣ и возстановивъ свои силы, нашъ путешественникъ отправился далѣе; мѣстность, по которой ему пришлось ѣхать по пути въ Хиву, прекрасно обработана; плодородіе почвы и тутъ, какъ въ Бухарскомъ ханствѣ, зависитъ отъ воды, съ тою разницею, что здѣсь она изобилуетъ, такъ что весною прорываетъ плотины, и задача земледѣльца заключается именно въ томъ, чтобы предупредить эти наводненія; эти работы выполнялись нѣкогда невольниками персами, но вотъ уже десять лѣтъ какъ (1873—1883 гг.) туземцы вынуждены производить эти работы сами и это служитъ источникомъ нескончаемыхъ жалобъ съ ихъ стороны на русское правительство; въ настоящее время эта мѣстность совершенно спокойная, но до появленія въ Средней Азійи русскихъ туркмены производили свои хищническіе набѣги до воротъ самой Хивы.

Генрихъ Мозеръ.

Извлеч. и переводъ Вѣры Вас. Тимошукъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

МАЙ.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX в. Очеркъ магистра русской исторіи В. Н. Семеновскаго. 292	VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Пятигорскъ, какъ мѣсто его жизни и думъ. Сообщ. Е. С. Некрасова. 459
II. Василий Трофимовичъ Мартыновъ. Историко-біографическое изслѣдованіе. Очеркъ первый. Состав. П. А. Бѣловерская 341	VII. Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г. Защѣтки кн. В. Д. Давыда. Гл. VIII—X. 481
III. Разказы Прасковьи Егоровны Амминой, рожденной Гебаль. (Окончаніе) 365	VIII. Россія и Англія на дальнемъ Востоцѣ. Историческая справка ко дню открытія Каспійско-Самаркандской жел. дор. 15 мая 1888 г. Сообщ. Л. Н. Соболевъ. 505
IV. Въ странахъ средней Азіи. Путешествія печатальнѣ Генриха Мозера, 1882—1883 гг. Извл. и перев. В. В. Тимошукъ. (Оконч.). 383	IX. Изъ вопросу менскихъ гимназій. (Оконч.). Сообщ. А. А. Чумиковъ. 523
V. Воспоминанія Ильи Ефимовича Рѣпина: Иванъ Школ. Крамной 405	X. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ: 1. Пятидесятилѣтіе литературно-повѣстической его дѣятельн. 2. Сборникъ «Луныи ночи», 1839 г. 529
	XI. Библиографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Прасковьи Егоровны Амминой, гравир. худож. Н. И. Матюшинъ. — II. Рисунки къ соч. Генриха Мозера: 1. Курдская крѣпость. — 2. Возвращеніе съ набѣга. — 3. Ауль Сакисъ-Атлукъ. — 4. Бой барановъ. Всѣ четыре гравюры исполнены въ Парижѣ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

1-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1888 г.

ВЪ СТРАНАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера

1882—1883 гг.

VII ¹⁾.

«29-го ноября, въ 4 часа пополудни, показались на горизонтѣ минареты и обширныя зданія Хивы, видимыя уже на разстояніи 4-хъ верстъ; чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ городу, тѣмъ величественнѣе и роскошнѣе кажутся всѣ эти многочисленныя постройки; не доѣзжая одной версты отъ города, по правую сторону дороги тянется роскошный паркъ, обнесенный высокою стѣною; посреди него возвышается дворецъ, любимое мѣстопробываніе хана; рядомъ находится садъ Ата-Джанъ-Тіуры, брата хивинскаго хана, служившаго нѣкогда въ русской арміи на Кавказѣ. Его дворецъ, представляющій собою собраніе кіосковъ и верандъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ дворцовъ Средней Азіи тѣмъ, что онъ двухъ-этажный и съ его крыши открывается роскошный видъ.

«Для меня, говоритъ Мозеръ, было отведено помѣщеніе въ домѣ всемогущаго Мать-Мурата, правой руки и совѣтника хана, который велѣлъ передать мнѣ, что это жилище наиболѣе комфортабельное въ его столицѣ и наиболѣе соответствующее привычкамъ европейца. Дѣйствительно, владѣлецъ этого дома, Мать-Муратъ, прожившій въ Россіи семь лѣтъ, построилъ его по своему собственному плану, хотя надъ нимъ трудились рабочіе туземцы. Съ перваго же взгляда на

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 137—167; мартъ, стр. 605—626.

это жилище, меня поразила мебель, обитая трипомъ, диваны, столы, настоящія створчатыя окна, и, о чудо! тутъ былъ даже рояль. Рояль этотъ имѣетъ свою исторію: онъ былъ подаренъ хивинскому хану русскимъ императоромъ, а ханъ, въ свою очередь, подарилъ его своему любимцу, въ знакъ своего высочайшаго благоволенія.

«Въ то время, когда русскіе овладѣли среднимъ теченіемъ Зеравшана и тѣмъ, волей-неволей, вынудили бухарскаго эмира сдѣлаться союзникомъ Россіи, его надменный сосѣдъ, хивинскій ханъ Сеидъ-Мохамедъ-Рахимъ-Багадуръ, считалъ себя совершенно въ безопасности отъ нападенія русскихъ войскъ, полагая, что его оазисъ достаточно уединенъ окружающими степями, которыя ни одна русская армія не проходила до тѣхъ поръ безнаказанно.

«Между тѣмъ, поддержка, оказанная въ 1869 г. хивинцами разбойничьимъ шайкамъ киргизъ, совершившимъ набѣги на русскую территорию, и увѣренность русскихъ властей въ томъ, что подданные російскаго императора содержались въ плѣну въ Хивѣ, вынудила с.-петербургскій кабинетъ повелѣть походъ противъ этой страны, бывшей центромъ невольничества и очагомъ вѣчныхъ волненій.

«Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1872 г. было окончательно рѣшено предпринять экспедицію въ Хиву: планъ кампаніи заключался въ томъ, чтобы напасть на оазисъ одновременно съ трехъ сторонъ, двинувъ отряды изъ Оренбурга, Ташкента и съ Кавказа.

«Чтобы легче преодолѣть препятствія, съ коими былъ сопряженъ переходъ черезъ степи, эти три отряда были подраздѣлены на нѣсколько колоннъ. Оренбургскій отрядъ, подъ командою ген.-лейтенанта Веревкина, долженъ былъ сосредоточиться у крѣпости Емба, къ сѣверу отъ Усть-Уртскаго плоскогорія; Туркестанскій отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны: Казалинскую, подъ командою одного полковника и Джизакскую, подъ начальствомъ генерала Головачева, которыя должны были сойтись у подошвы Буканъ-Тау, въ центрѣ степи Кизиль-Кумъ; наконецъ, Кавказскій отрядъ долженъ былъ выступить тремя отдѣльными колоннами изъ Чикишляра, Красноводска и Киндерлинска, лежащихъ на берегу Каспійскаго моря. Послѣдняя колонна, состоявшая подъ командою полковника Ломакина, получила приказаніе идти черезъ Усть-Уртскую степь и соединиться въ Кунградѣ съ Оренбургскимъ отрядомъ, между тѣмъ какъ двѣ первыя колонны, образовавшія отрядъ Маркозова, должны были соединиться къ востоку отъ Большаго Балкана.

«Генералъ Кауфманъ, которому было ввѣрено главное начальство надъ этой экспедиціей, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 60 ротъ пѣхоты, 26 сотенъ кавалеріи и 56 орудій.

«Узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ, хивинскій ханъ тщетно искалъ себѣ союзниковъ; предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, ему оставалась одна надежда, что русскимъ не удастся пройти черезъ степь, которая, по словамъ его совѣтниковъ, должна была послужить могилою его врагамъ.

«Джижакская и Казалинская колонны выступили въ походъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1873 г.; съ первыхъ же дней имъ пришлось много пострадать отъ холода и урагановъ. Когда ген. Кауфманъ, находившійся при этой колоннѣ, прибылъ къ подошвѣ Букавъ-Тау, то къ нему явилось посольство отъ бухарскаго эмира съ изъявленіемъ полной готовности съ его стороны оказать содѣйствіе движенію русскихъ войскъ въ этихъ негостепримныхъ странахъ.

«24-го марта Казалинская колонна соединилась съ Джижакской; между тѣмъ температура внезапно измѣнилась, жара и песчаные ураганы причиняли солдатамъ невыразимыя страданія, къ тому-же они стали подвергаться съ этихъ поръ нападеніямъ со стороны туркменъ. Изъ 10 тысячъ верблюдовъ, которыхъ отрядъ имѣлъ при своемъ выступленіи, ихъ удѣлѣло вскорѣ не болѣе 3-хъ тысячъ, такъ что солдатамъ пришлось бросить часть своего багажа въ этихъ ужасныхъ степяхъ, гдѣ вѣтеръ подымалъ постоянно цѣлыя облака мелкаго песка, а въ колодцахъ не хватало воды, чтобы напоить этотъ огромный караванъ.

«Наконецъ, авангардъ отряда, имѣя всего 1240 верблюдовъ, достигъ 10-го мая подошвы Учъ-Утака, гдѣ онъ наткнулся на значительныя массы туркменъ; на слѣдующій день небольшая русская армія подверглась съ трехъ сторонъ стремительному натиску со стороны непріятеля; сраженіе было жаркое, хотя и непродолжительное, туркмены обратились въ бѣгство, оставивъ побѣдителямъ дорогу въ Хиву открытою. Четыре дня спустя ген. Кауфманъ вступилъ въ Акъ-Камышъ, близъ Шурахана, переправился съ войскомъ черезъ Оксусъ на понтонахъ, привезенныхъ изъ Казалинска, и расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Питняка, на берегахъ Оксуса, гдѣ солдаты, имѣя въ изобиліи всякаго рода продовольствіе, позабыли всѣ бѣдствія, испытанныя ими въ степи.

«Оренбургскій отрядъ, со своей стороны, выступилъ въ мартѣ мѣсяцѣ; для перевозки его понадобились сани и болѣе 10 тысячъ верблюдовъ; солдатамъ этого отряда также пришлось испытать много невзгодъ, такъ какъ температура понижалась нерѣдко до 20° ниже нуля; не смотря на это, они достигли благополучно Кунграда, лежащаго къ югу отъ Аральскаго моря, гдѣ къ нимъ вскорѣ присое-

двинулся отрядъ Ломакина, составлявшій одну изъ колоннъ кавказскаго отряда, выступившаго изъ Казалинска.

«Двумъ колоннамъ Маркозова пришлось съ самаго выступленія претерпѣть величайшія затрудненія, такъ какъ хивинскій ханъ обязалъ туркменъ не доставлять русскимъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни верблюдовъ. Маркозовъ, безпрестанно тревожимый туркменами, жившими по теченію Атрека, пустился ихъ преслѣдовать, разсѣялъ ихъ и отнялъ у нихъ 2,000 верблюдовъ, что дало ему возможность продолжать свой путь черезъ степь Кара-Кумъ. Однако, войско терпѣло на этомъ пути отъ жары и жажды; наконецъ, ему удалось съ немовѣрными трудностями достигнуть колодца Бала-Ихемъ, лежащаго на полупути къ Хивѣ; но къ этому времени почти всё верблюды околѣли или были до того истощены, что не могли двинуться далѣе, такъ что пришлось бросить всё вещи въ степи; сознавая совершенную невозможность идти далѣе, при подобныхъ условіяхъ, Маркозовъ далъ сигналъ къ отступленію.

«Въ то время какъ этотъ отрядъ вступилъ совершенно измученный въ Красноводскъ, Оренбургскій отрядъ, соединившійся съ отрядомъ Ломакина, двинулся на Хиву, плывя вверхъ по Аму-Дарьѣ и гоня передъ собою непріятеля, оказывавшаго весьма слабое сопротивленіе. Ген. Веревкинъ, не имѣя никакихъ извѣстій отъ главнокомандующаго, подступилъ съ Оренбургской и Киндерлинской колоннами подъ самыя стѣны Хивы и, когда бомбардировка была уже начата, тогда только онъ узналъ о присутствіи ген. Кауфмана и его войска въ 16 верстахъ къ востоку отъ города.

«Устрашенный бомбардировкою и полагая, что настала его послѣдняя часть, ханъ поручилъ инаку Иртасамъ вступить въ переговоры съ побѣдителемъ, а самъ, не дождавшись возвращенія своего уполномоченнаго, бѣжалъ съ диванъ-беги, Мать-Муратомъ, стоявшимъ во главѣ партіи, требовавшей войны.

«Когда городъ былъ такимъ образомъ покинутъ его владѣтелемъ, то партія, жаждавшая мира, провозгласила ханомъ Ата-Джавъ-Тіура, младшаго брата исчезнувшаго хана, который содержался до тѣхъ поръ въ неволѣ, такъ какъ ханъ обвинялъ его въ сочувствіи къ Россіи. На слѣдующее утро вновь провозглашенный ханъ, въ сопровожденіи своего дяди и нѣсколькихъ сановниковъ, вышелъ на встрѣчу ген. Кауфману. Между тѣмъ, къ сѣверу отъ города продолжали гремѣть орудія и Скобелевъ, во главѣ осадной колонны, первый проникъ въ Хиву черезъ брешь, произведенную въ ея стѣнахъ. Городъ сдался.

«Бывшій ханъ, бѣжавшій къ Іомудамъ, получилъ приказаніе

явиться въ главную квартиру; согласившись на всё условія, предписанныя побѣдителемъ, онъ былъ возстановленъ на престолѣ и по заключеніи мира долженъ былъ уплатить два милліона двѣсти тысячъ рублей военной контрибуціи и уступить весь правый берегъ Аму-Дарьи, образовавшій новую русскую область Аму-Дарьи.

«Результатомъ этой побѣды русскихъ войскъ надъ хивинскимъ ханомъ было повсемѣстное уничтоженіе въ его владѣніяхъ рабства. Вотъ текстъ прокламаціи, которую его вынудили обнародовать:

«Я, Сендъ-Мохаммедъ-Рахимъ-Бахадуръ-ханъ, повелѣваю всемъ моимъ подданнымъ, изъ уваженія къ русскому царю, отпустить немедленно на волю всехъ невольниковъ моего ханства. Съ этой минуты рабство на вѣки уничтожается въ моихъ владѣніяхъ. Да послужить этотъ актъ челоуѣколюбія залогомъ вѣчной дружбы и уваженія между моимъ славнымъ народомъ и народомъ великой Россіи».

Эта прокламація навсегда положила предѣлъ торговлѣ невольниками и даровала свободу 21 русскимъ и 25 тысячамъ персовъ, томившимся въ то время въ неволѣ въ Хивѣ. Число русскихъ подданныхъ, попадавшихъ въ рабство въ Хиву, было довольно значительно во всё время; войны съ Россіей и неудавшіеся набѣги казаковъ доставляли большую часть этихъ невольниковъ; уже во времена Петра Великаго, Флоріо Веневи, проведеній нѣсколько лѣтъ въ Бухарѣ, сообщилъ царю, что въ Бухарѣ, Самаркандѣ и ихъ окрестностяхъ находится болѣе трехъ тысячъ русскихъ невольниковъ. Набѣги, произведенные на восточныя границы Россіи киргизами, въ началѣ XVIII вѣка, въ особенности во время Пугачевского бунта, были истиннѣ ужасны и стоили свободы многимъ русскимъ, даже земледѣльцы западнаго склона Уральскихъ горъ не считали себя въ безопасности и, бросивъ свои работы, искали убѣжища въ крѣпостяхъ.

«Ханы брали въ видѣ дани десятаго невольника въ свою гвардію или артиллерію, считая казаковъ весьма искусными во владѣніи оружіемъ; этимъ людямъ жилось, безъ сомнѣнія, лучше другихъ невольниковъ; тѣ изъ нихъ, которые были взяты въ плѣнъ въ дѣтствѣ, воспитывались въ правилахъ магометанской вѣры и впоследствии зачислялись въ войско. Что же касается женщинъ, то онѣ рѣдко пользовались такимъ успѣхомъ, какой имѣли уроженки Кавказа въ турецкихъ или персидскихъ гаремахъ, такъ какъ жители Средней Азіи женятся на своихъ рабыняхъ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ отличаются особенною красотою.

«Вообще говоря, положеніе невольниковъ было крайне тяжелое; плохо одѣтые и полуголодные, они составляли буквально собственность своего господина, который могъ казнить ихъ, не давая

въ томъ никому отчета, хотя это случалось весьма рѣдко, но за то ихъ жестоко наказывали за малѣйшую провинность плетьми, отрѣзали имъ уши, носъ, выкалывали глаза и т. п.

«Однако, плѣнные не были обречены на вѣчное рабство; они могли получить свободу, принявъ магометанскую вѣру или давъ за себя богатый выкупъ; изъ числа русскихъ, которымъ не удалось откупиться, многіе измѣнили своей вѣрѣ, женились на магометанкахъ и повидимому примирились съ этимъ новымъ образомъ жизни; что же касается до побѣга черезъ степь, то объ этомъ нечего было и думать: бѣжавшій неминуемо попадалъ въ руки кочевниковъ, которые продавали его вновь въ ту же Хиву, и если онъ попадалъ случайно къ своему прежнему владѣльцу, то его безъ милосердія садили на колъ, въ назиданіе прочимъ.

«Россія съ 1720 года старалась, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, добиться освобожденія невольниковъ; каждое посольство, отправлявшееся въ ханство, приводило съ собою нѣсколько членовъ этихъ несчастныхъ, выкупленныхъ съ большими затрудненіями и за неизвѣстныя деньги. Но что значили эти жалкіе результаты въ сравненіи съ громаднымъ числомъ христіанъ, томившихся подъ игомъ мусульманъ. Число русскихъ невольниковъ значительно уменьшилось лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда киргизы признали русское владычество; такъ, напримѣръ, въ 1840 г. ихъ было всего 474 человека, которыхъ Аллахъ-Куль успѣшилъ освободить, напуганный угрозами русскихъ, построившихъ въ то время на берегу Каспійскаго моря фортъ Ново-Александровскъ».

VIII.

Вотъ что разсказываетъ Генрихъ Мозеръ о своемъ пребываніи въ столицѣ Хивинскаго ханства:

«1-го декабря я отправился во дворецъ для представленія хану; здѣсь аудіенція происходила гораздо проще, нежели въ Бухарѣ: меня не сопровождалъ во дворецъ конвой; я вручилъ подарки, привезенные мною для хана: большой сундукъ съ полнымъ чайнымъ и кофейнымъ серебрянымъ сервизомъ, превосходной работы, съ эмалированными видами Москвы. Во время проѣзда моего по улицамъ и базарамъ Хивы меня всѣ привѣтствовали, принимая за русскаго, и я могъ убѣдиться въ томъ, что народъ относился тутъ ко мнѣ гораздо дружжелюбнѣе, нежели жители той мѣстности, по которой я проѣзжалъ по пути въ Хиву.

«Дворецъ хивинскаго хана не можетъ похвастать особеннымъ великолѣпиемъ; это просто глиняное зданіе, съ большими дворами, окруженное невзрачными лачугами; тутъ нигдѣ незамѣтно и слѣда той роскошной архитектуры, какою отличаются резиденціи эмира бухарскаго.

«Въ теченіи 10 дней, проведенныхъ мною въ Хивѣ, я былъ пять разъ на аудіенціи у хана и каждая изъ этихъ аудіенцій продолжалась часа два—три, оставивъ во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Въ ханѣ я встрѣтилъ человѣка умнаго, понимающаго съ полу-слова такія вещи, которыя обыкновенно бываютъ недоступны для пониманія азіата. Аудіенція, начавшись церемонно, оканчивалась всякій разъ интимною бесѣдою; ханъ приказывалъ подать чаю и курилъ мои сигары, къ которымъ онъ привыкъ въ Россіи. Разумѣется, предметомъ всѣхъ нашихъ бесѣдъ былъ западъ: ханъ чрезвычайно желалъ познакомиться съ европейской цивилизаціей, которую онъ научился цѣнить во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Его особенно интересовало политическое состояніе Европы, взаимное отношеніе государствъ, ихъ военныя силы, образъ правленія и проч.

«Заговоривъ о моей родинѣ, Швейцаріи, онъ спросилъ меня, какъ зовутъ моего падишаха и находился-ли его представитель въ Москвѣ, во время коронаціи?

«Я ожидалъ этого вопроса и заранее подготовилъ моего переводчика къ соотвѣтствующему отвѣту; каково же было мое удивленіе, когда ханъ, выслушавъ его объясненіе, замѣтилъ, что онъ думалъ до сихъ поръ, что Америка единственная страна, управляемая самимъ народомъ.

«Выслушавъ съ особеннымъ интересомъ все то, что я сообщилъ ему о нашей маленькой швейцарской арміи, ханъ неоднократно воскликнулъ: «я самъ взгляну на это, если будетъ возможно»; онъ желалъ предпринять путешествіе по Европѣ и надѣялся получить на это соизволеніе русскаго императора.

«Услыхавъ отъ меня о томъ, что князю Витгенштейну удалось добиться согласія бухарскаго эмира на проведеніе телеграфа между Бухарою и Ташкентомъ, Сейдъ-Мохамедъ-Рахимъ былъ весьма озабоченъ этимъ извѣстіемъ, такъ какъ онъ не любитъ своего сосѣда, Мозаффаръ-Эддипа, и съ этой же минуты онъ возымѣлъ честолюбивую мысль соединить свою столицу телеграфной проволокой съ Казалинскомъ.

«Десятидневное пребываніе мое въ Хивѣ было интересно для меня во многихъ отношеніяхъ: я осматрѣлъ всѣ достопримѣчательности Хивы, свободно гулялъ по городу, осматривалъ окрестности, а вечера проводилъ у главныхъ сановниковъ хана; между прочимъ мнѣ пришлось присутствовать при крайне оригинальномъ зрѣлищѣ, устроенномъ въ честь моего прѣзда, это национальное увеселеніе—бой барановъ; во всякомъ зажиточномъ домѣ ханства вы увидите привязаннаго къ цѣпи, болѣе или менѣе рослаго, барана, изъ породы курдючныхъ; эти животныя обладаютъ немовѣрною силою и за нихъ платять, сравнительно, весьма большія деньги.

«Какъ разъ во время моего пребыванія въ Хивѣ, въ этотъ городъ былъ привезенъ изъ Ургенча баранъ, пользовавшійся у себя, на родинѣ, репутаціей искуснаго бойца; онъ долженъ былъ сразиться съ бараномъ Мать-Мурата, который до тѣхъ поръ ни разу не былъ еще побѣжденъ; это сулило весьма интересное зрѣлище, поэтому во дворъ, предназначенный для ристалища, собралась огромная толпа любопытныхъ; на возвышенной террасѣ были разосланы ковры и разставлено нѣсколько стульевъ; внизу, подъ террасой, помѣщались зрители, люди почти все сановные, а передъ нами, за загородкой, штукъ съ двадцать барановъ было привязано цѣпями къ столбамъ, врытымъ въ землю ¹⁾).

«Зрѣлище было живописное. Бараны, горя нетерпѣніемъ вступить въ бой, рыли землю копытами и старались оборвать свои цѣпи. Лишь только мы прибыли, два огромныхъ барана были отвязаны и выведены на арену; три или четыре челоѣвка держали животнымъ за рога и по давнему сигналу отпустили ихъ.

«Низко опустивъ голову, бараны кинулись другъ другу на встрѣчу;

¹⁾ Прилагается рисунокъ: бой барановъ.

ДОБРОТН. ЦЕНТРОМ С-ВЕТЕРБУРГЪ 4 ОКТЯБРЯ 1897 Г

БОЙ БАРАНОВЪ.

ИРИДО
-РУССКОЙ СТАРШЦЪ, ИД. 1898 Г.

ВЫСТАВЛЕНН ЗАГОТОВЛЕНН ГОСУДАРСТВЕННЪ БЪМЪДЪ.

стукъ, произведенный ихъ рогами при столкновѣніи, походилъ на ударъ молота по наковальнѣ и просто невѣроятно какимъ образомъ ихъ черепъ не разлетѣлся отъ этого удара въ дребезги; за первымъ ударомъ слѣдовалъ второй, третій, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ сражающихся не отступилъ; тогда побѣдителя привѣтствовали громкими криками одобренія. Передъ началомъ состязанія, владѣльцы животныхъ и остальные присутствующіе держатъ между собою пари зачастую на довольно большія суммы.

«Самые интересные борцы, баранъ Мать-Мурата и баранъ того богатаго кушца, который былъ вызванъ ханомъ нарочно для этой цѣли изъ Ургенча, должны были выступить на арену послѣдніе. Одинаковой величины, прекрасно содержимые и выхоленные, эти два барана могли назваться красавцами. Баранъ Мать-Мурата, едва завидѣвъ своего противника, вырвался изъ рукъ людей, державшихъ его за рога, и напалъ на своего противника; всѣ присутствовавшие, какъ одинъ человѣкъ, вскочили на ноги и впились глазами въ борцовъ; ослабленные кровью, текшею у нихъ изъ лба, бараны не сдавались; бой кончился ничѣмъ, такъ какъ при двадцать седьмомъ столкновѣніи у ургенческаго барана сломился рогъ и его увели съ арены, ибо дальнѣйшая борьба при подобныхъ условіяхъ немислима; оставшійся кусочекъ рога неминуемо пронзилъ бы соперника на смерть.

«Это оригинальное ристалище сопровождалось поистинѣ чудовищнымъ угощеніемъ, на которое были приглашены всѣ присутствовавшіе».

8-го декабря г. Мозеръ оставилъ Хиву, на слѣдующій день онъ остановился на ночлегъ въ Ташаусѣ, крѣпости, построенной весьма недавно, гдѣ его ожидалъ пріятный сюрпризъ: ему доложили, что двое людей, говорящихъ по русски, желаютъ его видѣть; произношеніе тотчасъ обличило въ нихъ нѣмцевъ; можно себѣ представить радость этихъ людей, когда путешественникъ заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ; «это были менониты, переселившіеся сюда, въ числѣ 400 человѣкъ, изъ Самары; во время переѣзда черезъ степь они испытали неимовѣрныя страданія и, наконецъ, послѣ многихъ невзгодъ поселились въ Кипчакѣ, на берегахъ Аму-Дарьи; хивинскій ханъ отвелъ имъ небольшое пространство земли, на которомъ они построили себѣ жалкія лачушки, но такъ какъ они не были знакомы съ употребленіемъ ирригаціонныхъ каналовъ, то ихъ первая жатва дала весьма плачевные результаты; едва имѣя чѣмъ существовать, они не теряли, однако, бодрости духа; узнавъ о пріѣздѣ европейца, они отправили къ нему депутацію, прося его замолвить слово въ ихъ пользу; сами по себѣ въ высшей степени миролюбивые,

они подвергаются безпрестанно нападеніямъ со стороны туркменъ, которые угоняютъ ихъ скотъ. И такъ какъ они не рѣшаются преслѣдовать грабителей, а обращаются за защитою къ властямъ, то остаются вѣчно въ убыткѣ, ибо разбойники успѣваютъ скрыться прежде, нежели дѣло ихъ дойдетъ до разбирательства.

«Теллали—последній фортъ на границѣ обработанныхъ земель и въ то же время последній кишлакъ, населенный узбеками; за нимъ начинается степь, владѣніе туркменъ. Трудно опредѣлить съ точностью число этихъ туркменъ, игравшихъ столь видную роль въ исторіи Хивы; генераль Кауфманъ опредѣлялъ число ихъ кибитокъ въ 50,000; полагая въ каждой кибиткѣ по 6 особъ, мы получимъ цифру 300,000. Туркмены раздѣляются на двѣ категоріи: на осѣдлыхъ и кочующихъ. Туркменъ, подобно киргизу, предпочитаетъ кочевой образъ жизни и весьма неохотно предается занятію земледѣліемъ; однако, съ 1873 г., число осѣдлыхъ жителей этого племени, а слѣдовательно и количество пахатной земли на границѣ степи значительно увеличилось; не имѣя болѣе возможности предпринимать набѣговъ, туркмены утратили вмѣстѣ съ этимъ источникъ своего богатства, въ тому же налоги, взимаемые ханомъ, отъ которыхъ прежде имъ удавалось нерѣдко отдѣлываться, взимаются нынѣ весьма правильно.

«Хотя нѣкоторыя племена совершенно отказались отъ кочевого образа жизни, но большинство туркменъ находится еще въ переходномъ состояніи; владѣя на границѣ степи клочками пахотной земли, на которой они построили первобытные навѣсы для защиты своихъ запасовъ и скота, они помѣщаются съ своими семьями въ кибиткахъ, рядомъ съ этими навѣсами.

«Всѣ эти туркмены, ставшіе послѣ кампаніи 1873 г. данниками хивинскаго хана, играли нѣкогда въ этомъ ханствѣ совсѣмъ иную роль; изъ ихъ среды ханы набирали лучшее войско, но за то эти доблестные воины въ свою очередь имѣли значеніе во всѣхъ событіяхъ и составляли такимъ образомъ при дворѣ вліятельную партію, съ которой ханамъ приходилось считаться. Хотя они были плохими плательщиками податей, за то всегда были готовы доставить войско для любой экспедиціи.

«Такъ шли дѣла до взятія Хивы русскими. Сейдъ-Мохамедъ самъ объявилъ генералу Кауфману, что онъ не будетъ въ состояніи выполнить мирный договоръ, заключенный съ Россіей до тѣхъ поръ, пока туркмены не будутъ усмирены и не признаютъ его власти.

«Туркменамъ было повелѣно уплатить 300 тысячъ руб. военной контрибуціи и когда они отказались исполнить это требованіе, то генераль Кауфманъ рѣшилъ однимъ энергичнымъ ударомъ сломить этихъ

кочевниковъ, не признававшихъ надъ собою никакой власти. Выполненіе этого проекта было возложено на генерала Головачева, который двинулся на Хазавать. 25-го іюля 1873 г., въ окрестностяхъ Чандира (Tchandir), на него напали значительныя массы кавалеріи, которыя, не страшась орудіянаго и ружейнаго огня, врубались неоднократно въ самыя ряды русскихъ, между тѣмъ какъ ихъ товарищи, обойдя позицію русскихъ съ тыла, успѣли овладѣть верблюдами аррьергарда. Однако, огонь, открытый русскими, вынудилъ ихъ обратиться въ бѣгство и бросить захваченныхъ было верблюдовъ; но они снова выстроились въ боевой порядокъ, и послѣ неудачнаго для нихъ вторичнаго боя, наконецъ, удалились, преслѣдуемые казаками до поздней ночи.

«Два дня спустя послѣ этого пораженія, туркмены напали на зарѣ на укрѣпленный лагерь русскихъ между Телали и Кизиль-Такиромъ.

«Это сраженіе было особенно кровопролитно; на маленькій отрядъ Головачева напало около 10 тысячъ непріятеля, которые сражались съ отвагой и энергіей, незнакомой дотолѣ мусульманамъ Средней Азіи. У каждаго всадника былъ за спиною другой воинъ, босой, одѣтый въ одну рубашку, съ засученными рукавами. Подъѣхавъ къ фронту русскихъ войскъ, всадники останавливали коней, челоуѣкъ, сидѣвшій позади ихъ, прыгивалъ на землю и, прикрывъ глаза лѣвою рукою, а въ правой держа саблю, кидался съ дикимъ воплемъ на штыки. Разумѣется, тотчасъ завязывалась рукопашная схватка и первые лучи восходящаго солнца освѣтили ужасную картину кровавой рѣзни. Туркмены, со свойственнымъ имъ фанатизмомъ и равнодушіемъ къ смерти, вѣзались въ самыя каре русскаго войска. Артиллерія должна была смолкнуть, пришлось дѣйствовать однимъ холоднымъ оружіемъ, но дисциплина и хладнокровіе, присущія несравненному туркестанскому русскому солдату, одержали, наконецъ, побѣду надъ непріятелемъ, который былъ въ десять разъ сильнѣе ихъ. Восемьсотъ туркменовъ оросили поле битвы своею кровью. Съ этой битвой, въ лѣтописяхъ исторіи, будетъ связано воспоминаніе одного изъ славнѣйшихъ подвиговъ русскаго оружія.

«Въ послѣдующіе затѣмъ дни, герцогъ Евгенийъ Максимиліановичъ Лейхтенбергскій преслѣдовалъ туркменъ и уничтожилъ ихъ три укрѣпленныхъ лагеря; при этомъ погибло туркменъ еще до 500 чел.; пять тысячъ головъ скота, множество верблюдовъ, большіе запасы продовольствія и оружія достались въ руки побѣдителя. Послѣ цѣлаго ряда пораженій, туркмены, наконецъ, совершенно упали духомъ и, чувствуя себя не въ силахъ долѣе сопротивляться, изъявили свою покорность».

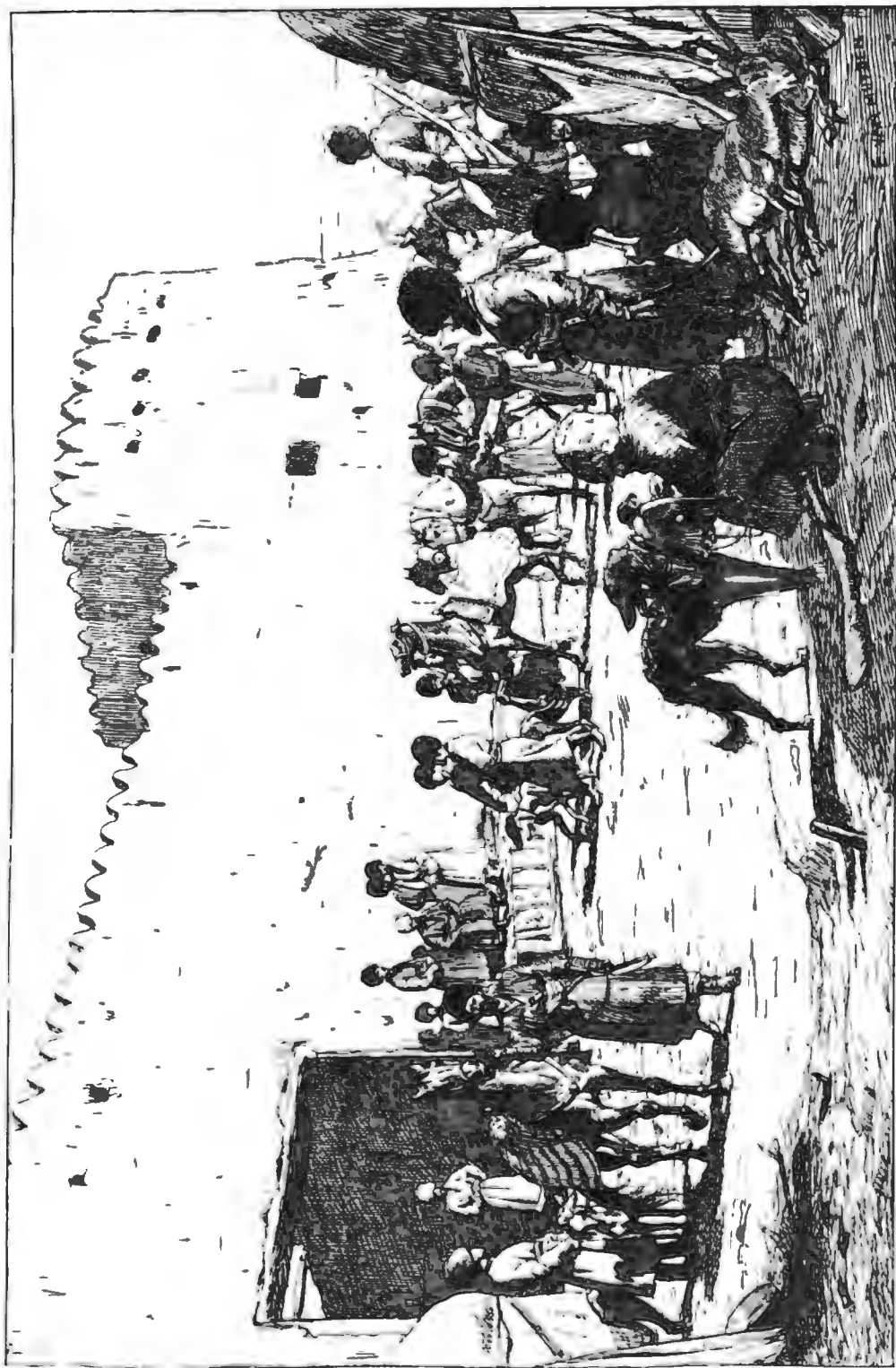
IX.

11-го декабря, подъ вечеръ, г. Мозеръ добрался до форта Сакисъ-Атлукъ, построеннаго въ пескахъ и который бываетъ занятъ войскомъ лишь во время сбора податей. Крѣпость эта представляетъ собою квадратъ, каждая сторона котораго имѣетъ въ длину около 100 шаговъ; въ нее ведутъ всего одни большія ворота, вокругъ самаго форта тянется наружная стѣна, вышиною около 5 футъ, и теперь въ этой оградѣ находился цѣлый лагерь туземной кавалеріи¹⁾. На первомъ планѣ около 60 нукеровъ (хивинскіе солдаты), только что возвратившихся изъ экспедиціи, далѣе шелковыя бухарскія палатки, захваченныя вѣроятно во время набѣга, масса ковровъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, забранныхъ изъ какого нибудь туркменскаго аула и служащихъ теперь постелью солдатамъ; возлѣ самой крѣпости былъ разложенъ костеръ, возлѣ коего суетились повара, приготовляя пилавъ. Этотъ оригинальный фортъ, окруженный безграничною степью, составляетъ временное мѣстопробываніе диванъ-беги, Мать-Мурата, который объѣзжаетъ ежегодно обрабатываемыя земли для взиманія податей; выѣхавъ изъ Кунграда, этотъ сановникъ доѣзжаетъ до окрестностей Хивы, останавливаясь по пути въ подобныхъ маленькихъ крѣпостцахъ, выстроенныхъ на границѣ пустыни, куда и вызываютъ всѣхъ окрестныхъ жителей, обязанныхъ платить подать; если они не являются, то за ними посылаютъ отрядъ нукеровъ; если же они укрываются отъ преслѣдованія въ степь, то нукеры угоняютъ ихъ скоть, забираютъ ихъ кибитки и даже уводятъ ихъ женъ; само собою разумѣется, что подобный способъ взиманія податей зачастую подаетъ поводъ къ вооруженному столкновенію.

Во время пребыванія въ крѣпости Сакисъ-Атлукъ, г. Мозеръ много охотился въ окрестности, изобилующей кабанамъ, сайгамъ, антилопамъ и другою дичью, а вечера проводились въ бесѣдѣ съ Мать-Муратомъ, который живо интересовался его разсказами о современномъ состояніи европейскихъ государствъ.

Приготовленія къ переѣзду по степи доставили нашему путешественнику массу хлопотъ. «Я взялъ съ собою изъ Хивы войлочныя палатки, говоритъ онъ, а въ Сакисъ-Атлукъ надобно было запастись продовольствіемъ; генераль Гротенгельмъ снабдилъ меня для моего личнаго употребленія юламейкой, небольшою войлочной палаткой, болѣе легкой и удобной при перевозкѣ, нежели юрта, и которую упо-

¹⁾ Рисунки: фортъ Сакисъ-Атлукъ.

КОЛОДЕЦО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1897 Г.

САКИСЬ-АТЛУКЪ.

ВРЕЛОЖЕНІЕ ВЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЮН. 1888 Г.

ЭССЕИЩІИ ЗАГОТОВЛЕНІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВУМАГЪ.

требляютъ обыкновенно въ экспедиціяхъ русскіе офицеры. Кромѣ того, благодаря любезности этого генерала, меня снабдили двумя боченками прѣсной воды, для моего личнаго употребленія, такъ какъ вода, которая набирается караваномъ въ мѣха, приобретаетъ крайне непріятный вкусъ отъ бараньей кожи.

«Послѣдній аулъ, встрѣченный мною на границѣ пустыни, былъ Уась-ауль, въ которомъ жилъ Медримъ-Сердаръ, сынъ бывшаго диванъ-беги хивинскаго хана и начальника Юмудовъ. Онъ описывалъ мнѣ живыми красками печальное положеніе своего народа, страдающаго подъ игомъ хивинцевъ и которому приходится завидовать текинцамъ, платящимъ дань русскимъ, такъ какъ текинцамъ приходится платить гораздо менѣе податей. Болѣе всего туркменъ огорчаетъ то обстоятельство, что помимо огромныхъ податей, уплачиваемыхъ хану, ихъ жестоко грабятъ чиновники-узбеки, которыхъ приходится подкупать, иначе они раззорятъ плательщика до тла.

«Не могли ли бы вы выхлопотать для насъ, какъ милость, говорилъ мнѣ Медримъ-Сердаръ, чтобы мы уплачивали подати прямо русскому коменданту Петро-Александровска; такъ какъ эти деньги поступаютъ въ концѣ концовъ въ руки русской администраціи, то мы сберегли бы этимъ путемъ тѣ рубли, которые остаются въ карманахъ хана и его сбировъ.

«Въ концѣ концовъ, Медримъ-Сердаръ далъ мнѣ добрый совѣтъ измѣнить мой первоначальный маршрутъ и направиться вмѣсто Асхабада на Кизиль-Арватъ: «отъ Хивы до Кунграда все ханство знаетъ о проѣздѣ богатаго иностраннаго боярина, сказалъ онъ, твои люди рассказали всѣмъ, что ты ѣдешь въ Асхабадъ; хотя они и преданы тебѣ, но что вы сдѣлаете въ случаѣ нападенія со стороны туркменъ; если бы ты носилъ русскій мундиръ и если бы тебя сопровождало нѣсколько казаковъ, то, быть можетъ, они не посмѣли бы напасть на тебя; жители Мерва хорошо знаютъ какія могутъ быть послѣдствія аламана, предпринятаго противъ русскихъ, въ нынѣшнемъ году многіе изъ нихъ заплатились жизнью за двухъ убитыхъ казаковъ, но ты иностранецъ, поэтому поѣзжай лучше двѣсти верстъ лишнѣхъ и не подвергай себя неминуемой опасности.

«Разумѣется, я съ благодарностью принялъ этотъ совѣтъ и, измѣнивъ сообразно съ нимъ мой маршрутъ, вступилъ на слѣдующій день въ туркменскую степь, известную подъ названіемъ Кара-Кумъ (черный песокъ), которая ограничена Персіей и Афганистаномъ съ юга, Аму-Дарьей и Хивинскимъ оазисомъ съ сѣвера и Каспійскимъ моремъ съ запада. Внутренность этой степи совершенно необитаема, только по краямъ ея живутъ туркмены.

«Мы подвигались медленно; меня охватывала, мало по малу, неопредѣленная грусть, царившая въ степи; моя маленькая колонна извивалась змѣйкой на желтоватомъ фонѣ необъятной пустыни, однообразіе которой дѣйствуетъ на человѣка самымъ удручающимъ образомъ. Нашъ первый привалъ былъ у развалинъ стариннаго форта Кизиль-джа-Кала, близъ колодца того-же названія». Затѣмъ потянулись однообразные переѣзды отъ одного колодца до другаго—все тѣ-же картины, тѣ-же однообразныя впечатлѣнія, не прерываемыя никакимъ событіемъ, которыя столько разъ были описаны путешественниками, что на нихъ не стоитъ останавливаться; во время 12 дней, проведенныхъ Генрихомъ Мозеромъ въ степи, онъ повстрѣчалъ всего два раза текинцевъ, ѣхавшихъ съ товарами въ Хиву, все остальное время въ пустыни не было видно ни одного живаго существа; 6-го января, на разсвѣтѣ, караванъ покинулъ Демирджень, послѣдній колодезь, и къ полудню показались на горизонтѣ горы Кизиль-Арвата.

«Трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое производитъ обитаемая земля послѣ столькихъ дней, проведенныхъ среди безмолвной степи, говоритъ авторъ, — и невозможно описать въ какомъ жалкомъ видѣ мы совершили въѣздъ въ Кизиль-Арватъ: въ теченіи двѣнадцати дней мнѣ удалось вымыться всего лишь одинъ разъ; лица наши загорѣли, потрескались отъ вѣтра, были грязны до невѣроятія. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ въ этотъ городъ ни къ кому рекомендательныхъ писемъ и поэтому съ трудомъ нашелъ себѣ пріютъ.

«Изъ Кизиль-Арвата я хотѣлъ направиться черезъ горы прямо въ Асхабадъ, но отъ этого плана пришлось отказаться, ибо по ту сторону Атрека, между Чикишляромъ и Астрабадомъ, происходило волненіе между туркменами, юмудами и другими племенами и сообщеніе было окончательно прервано. Поэтому я рѣшилъ направиться на Асхабадъ и, если удастся, на Мервь, а оттуда пробраться въ Персію.

«Русскіе упрочили свое владычество на восточномъ берегу Каспійскаго моря впервые въ 1869 году, когда ген. Столѣтовъ основалъ военную станцію Красноводскъ, на мѣстѣ бывшей казацкой деревни. Въ 1871 г. русскіе овладѣли Чикишляромъ, лежащимъ при устьѣ Атрека, но этотъ пунктъ былъ вскорѣ оставленъ, по причинѣ окружающей его нездоровой и бесплодной мѣстности. Къ тому же чикишлярскій рейдъ не представлялъ собою удобнаго якорнаго мѣста; тѣмъ не менѣе онъ послужилъ исходнымъ пунктомъ для отряда ген. Лазарева, которому было поручено въ 1878 г. предпринять экспедицію противъ текинцевъ, производившихъ разбойничьи набѣги до самыхъ стѣнъ Красноводска.

«Русскіе, игнорировавшіе численность и храбрость непріятеля,

укрѣпившагося за стѣнами Геокъ-Тепе, были разбиты. Чтобы не посягнуть славу русскаго оружія, надобно было во что-бы то ни стало овладѣть этою крѣпостью; эта трудная задача была возложена на М. Д. Скобелева». Всѣ подробности и отдѣльные эпизоды этого похода хорошо извѣстны публикѣ, во вотъ нѣкоторыя не безынтересныя подробности, относящіяся до этого похода, сообщаемыя г. Мозеромъ изъ письма одного изъ его соотечественниковъ, швейцарца, служившаго офицеромъ въ русской арміи.

«Предвидя трудности, сопряженныя съ походомъ по степи, Скобелевъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны, изъ коихъ одна должна была выступить изъ Чикишляра, а другая изъ Михайловской бухты, съ тѣмъ чтобы соединиться около Бами, текинской крѣпости, стоявшей на границѣ Ахальскаго оазиса; хотя движеніе по желѣзной дорогѣ, строившейся отъ Михайловской бухты до Кизиль-Арвата, открылось лишь въ сентябрѣ 1881 г., но Михайлъ Дмитріевичъ воспользовался нѣкоторыми уже оконченными ея участками, для перевозки снарядовъ и войска. 10-го іюня, авангардъ, подъ командою самого Скобелева, овладѣлъ Бами; укрѣпивъ этотъ пунктъ и снабдивъ продовольствіемъ, генералъ съ 400 войска и 16 орудіями произвелъ въ іюлѣ мѣсяцѣ рекогносцировку подъ самыя стѣны Геокъ-Тепе, но ему удалось обложить эту крѣпость лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ (1880 г.) Геокъ-Тепе представляла собою четырехугольникъ, имѣвшій въ окружности 8 верстъ. Довольно толстыя глиняныя стѣны этой крѣпости имѣвшія въ высоту до 7 метровъ, были окружены ровомъ, въ значительной мѣрѣ наполненнымъ водою. Подступъ къ нему былъ защищенъ тремя выдвинутыми фортами, въ которыхъ засѣли превосходные стрѣлки, между тѣмъ какъ съ сѣверо-востока надъ всею мѣстностью господствовалъ холмъ, въ видѣ кавальера. Внутри этой крѣпости, которою командовалъ знаменитый Токма-Сердаръ, текинцы разбили до 9 тысячъ палатокъ, куда укрылось населеніе оазиса, такъ что, въ моментъ осады, въ Геокъ-Тепе находилось отъ 30—40 тыс. человѣкъ; кромѣ того, ее защищала отрядъ въ 7 тысячъ всадниковъ. Скобелевъ съ перваго же взгляда понялъ, какъ трудно будетъ овладѣть этой крѣпостью штурмомъ и рѣшился вести правильную осаду. Въ это время русскіе захватили въ плѣнъ двухъ текинцевъ, которымъ генералъ позволилъ вернуться въ крѣпость, поручивъ имъ склонить гарнизонъ къ сдачѣ или, въ случаѣ отказа, убѣдить его вывести стариковъ, женщинъ и дѣтей. Огвѣтъ не замедлилъ: Токма-Сердаръ отослалъ генералу въ мѣшкѣ головы обихъ посланцевъ, приложивъ къ нимъ письмо, полное ругательствами.

«Однажды, осматривая вблизи непріятельскія укрѣпленія, Скобе-

левъ былъ османъ градомъ пуль: нѣсколько конвойныхъ солдатъ были ранены. Въ отвѣтъ на замѣчаніе нѣкоторыхъ офицеровъ, совѣтовавшихъ ему не подвергать столь неосмотрительно свою жизнь опасности, Скобелевъ приказалъ подать себѣ стулъ и стаканъ чаю, и усѣвшись на разстояніи 300 метровъ отъ непріятеля, продолжалъ внимательно изучать мѣстность, куря и отпивая чай, въ то время, какъ вокругъ него свистали пули; но когда текинцы начали стрѣлять изъ толстаго единорога, стоявшаго на кавальерѣ, и одно ядро врѣзалось въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его стула, то Скобелевъ отвѣсилъ поклонъ артиллеристамъ и медленно возвратился въ свою палатку.

«Вскорѣ началась бомбардировка; траншеи подвигались быстро, не смотря на частыя вылазки со стороны осажденныхъ; когда русскими было сбито, наконецъ, орудіе, то текинцы съ ожесточеніемъ винулись на пѣхоту, перепрыгивая черезъ группы, одною рукою хватали ружья русскихъ, а другою рубили ихъ съ такою яростью, что земля была усѣяна головами, руками и ногами. Ничто не можетъ быть ужаснѣе этой рукопашной схватки, въ которой слышится только лязгъ холоднаго оружія, глухіе стоны, проклятія и раздрающіе душу крики и время отъ времени громкіе: «Аллахъ» и «Ура!» Говоря объ этой достопамятной осадѣ, Скобелевъ разсказывалъ слѣдующій фактъ:

— «Текинцы, во время своихъ ночныхъ нападений, собирались на брустверы моихъ траншей и, находясь такимъ образомъ надъ головами моихъ стрѣлковъ, стоявшихъ во рвахъ, рубили ихъ сверху, при чемъ не было никакой возможности защитить ихъ; однажды вечеромъ, обходя аванпосты, я услышалъ какъ одинъ солдатъ говорилъ своему товарищу: «Генералъ напрасно ставитъ насъ ночью во рвы, такъ какъ текинцы собираются на брустверы и рубятъ насъ въ то время, какъ мы не можемъ защищаться; если бы онъ ставилъ насъ шаговъ на десять позади, такъ текинкамъ пришлось бы спускаться въ траншеи, гдѣ мы могли бы безъ опасности истребить ихъ». Это было откровеніемъ для меня, говорилъ Скобелевъ, и на слѣдующее утро, сотни непріятелей лежали во рвахъ. Солдатъ, подавшій Михаилу Дмитриевичу эту блестящую мысль, былъ награжденъ георгиевскимъ крестомъ.

«Когда траншеи достаточно подвинулись, было рѣшено штурмовать крѣпость. 12-го января 1881 г., по утру, артиллерія начала свое разрушительное дѣйствіе. Стѣны обваливались во рвы, между тѣмъ какъ защитники крѣпости затыкали бреши мѣшками, наполненными землею; когда бреши были уже достаточно велики, то артиллерія превратила внутренность крѣпости въ настоящій адъ. Послѣ отчаянной защиты и кровопролитной рукопашной схватки, текинцы оставили позицію,

преслѣдуемые казаками, рубившими ихъ безъ милосердія. Вечеромъ, внутри крѣпости было подобрано 6 тысячъ труповъ: 1500 раненыхъ женщинъ и дѣтей, оставшихся въ живыхъ, бродили, объятые ужасомъ, по этимъ развалинамъ. Взятіе этой крѣпости произвело во всемъ оазисѣ такое впечатлѣніе, что самое дикое и непокорное племя туркменъ изъявило свою покорность побѣдителю и самъ защитникъ Геокъ-Тепе, Токма-Сердаръ, присягнулъ на вѣрнопопданство въ главной квартирѣ».

Во вновь присоединенномъ къ Россіи Ахальскомъ округѣ, съ главнымъ городомъ Асхабадомъ, насчитываютъ до 60 тысячъ кибитокъ, въ которыхъ живутъ текинцы (козы), получившіе это прозвище, вѣроятно, вслѣдствіе той быстроты, съ какою они взбираются на своихъ коняхъ по крутымъ склонамъ горъ, граничащихъ оазисъ съ юга. Подобно туркменамъ, текинцы раздѣляются также на осѣдлыхъ, чомрисъ, и кочующихъ, чарвасовъ; все богатство этихъ послѣднихъ составляютъ стада; они разводятъ большихъ, сильныхъ верблюдовъ и прекрасную породу овецъ, но особенной славой пользуются, даже за предѣлами Средней Азіи, ихъ кони, отличающіеся замѣчательною смышленностью и необыкновенною кротостью; впрочемъ, они отличаются не столько породой, сколько работой, которую отъ нихъ требуютъ. Аламанъ (вооруженный набѣгъ) создалъ текинскую лошадь и развилъ ея чудесныя качества; когда эти набѣги перейдутъ въ область преданій, и когда текинцамъ не придется болѣе приучать своихъ коней къ этимъ продолжительнымъ экспедиціямъ, то порода ихъ навѣрно измелъчается.

Будучи нрава дикаго и неукротимаго и имѣя могучаго союзника въ своемъ конѣ, туркменъ сталъ грознымъ разбойникомъ, наводящимъ ужасъ на своихъ трусливыхъ сосѣдей персіянъ. Аламанъ составлялъ цѣль его жизни, единственное средство приобрести богатство и извѣстность: аламанщикъ, котораго въ иномъ мѣстѣ просто окрестили бы названіемъ разбойника, не только не пользовался общимъ презрѣніемъ, но воспѣвался даже поэтами, какъ храбрый рыцарь. Эта охота на людей доставляла побѣдителю скоть и плѣнныхъ, за которыхъ они получали нерѣдко весьма значительный выкупъ. Изъ своихъ набѣговъ на сосѣднія страны, какъ, напр., на Персію, аламанщики возвращались, ведя съ собою цѣлыя толпы кизильбаховъ (презрительное прозвище, даваемое ими персамъ), которые наполняли невольничьи рынки Средней Азіи.

Число всадниковъ, принимавшихъ участіе въ аламанѣ, колебалось обыкновенно отъ одной до трехъ тысячъ человѣкъ, Туркменъ, не признающій въ своемъ аулѣ надъ собою господина, во время набѣга

слѣпо повинуется избранному имъ вождю; знаніе дорогъ, колодцевъ умѣніе повелѣвать и личная храбрость—вотъ качества, которыя были необходимы для того, чтобы сдѣлаться сердаремъ (начальникомъ экспедиціи). Всякій туркмень, принимавшій участіе въ этихъ экспедиціяхъ, долженъ былъ имѣть хорошаго коня, оружіе, быть храбрымъ и не бояться смерти.

«Жаркое время года прекращало на время набѣги туркмень, но текинцы не знали отдыха круглый годъ и своею жестокостью и звѣрствомъ наводили на всю окрестность такой страхъ, что ихъ нападенія почти всегда вѣнчались успѣхомъ; населеніе того мѣстечка, на которое они нападали, по большей части ночью, объятое ужасомъ, не имѣло обыкновенно мужества защищаться и текинцы, разоривъ и разграбивъ ихъ жилища, уводили ихъ въ плѣнъ безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія. Подробности этихъ разбоевъ, передаваемые курдами, превосходятъ всякое воображеніе. До взятія Геокъ-Тепе, большая дорога, шедшая изъ Мешада въ Тегеранъ, была до такой степени наводнена текинцами, что караваны отправлялись изъ Шах-руда подъ конвоемъ пѣхоты, кавалеріи и даже артиллеріи.

«Совершивъ болѣе или менѣе удачный набѣгъ, аламанщики спѣшили домой, чтобы воспользоваться добычей, и тутъ-то благополучное возвращеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ быстроты ихъ коней ¹⁾. Дѣти и молодыя и красивыя женщины привязывались къ сѣдлу позади всадника и лошадь съ этой двойной ношею должна была пробѣжать иногда безъ остановки нѣсколько сотъ верстъ до аула ея хозяина. Здоровые мужчины, которымъ надѣвали на шею желѣзный ошейникъ, съ длинной, тяжелой цѣпью, привязанной къ сѣдлу аламанщика, бѣжали за нимъ до изнеможенія, подгоняемые ударами его хлыста. Если разбойникамъ надобно было скрыться очень быстро и плѣнный не имѣлъ силъ бѣжать довольно скоро, то ударъ сабли прекращалъ его страданія.

«Чувство состраданія, повидимому, совершенно незнакомо туркмену: невольникъ, въ его глазахъ, не что иное, какъ товаръ; его грубость и жестокость не имѣютъ границъ. Возвращеніе аламанщиковъ домой, возвѣщаемое особымъ гонцомъ, всегда сопровождалось празднествами; всѣ жители аула выходили имъ на встрѣчу, чтобы полюбоваться скорѣе этими храбрыми воинами и ихъ богатой добычей.

«17 января я покинулъ скучный Кизиль-Арватъ, пишу г. Мозеръ, и направился къ Асхабаду, черезъ степь Ахаль, совершивъ этотъ путь въ 5 дней, дѣлая по 50—60 верстъ въ день; каждый вечеръ я

¹⁾ Рисунокъ: возвращеніе съ набѣга.

АЛЕКСАНДР ВЕНЕДИКТОВИЧ ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1887 Г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЪ НАБЪГА.

РИСОВАНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРШИНЪ» МАЯ 1888 Г.

ВЫПАДКИ ЗАГОВОРОВЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗУМАГЪ.

останавливался на ночлегѣ въ какой нибудь крѣпости или въ текинскомъ аулѣ, гдѣ туркмены всегда встрѣчали насъ радушно.

«Асхабадъ, со своей небольшою крѣпостцою, съ церковью и съ бѣлыми домами, выстроенными въ русскомъ стилѣ, имѣеть чистенькій и веселенькій видъ.

«Не безъ волненія направился я, на слѣдующій день по прїѣздѣ, къ дому губернатора Закаспійской области, задавая себѣ вопросъ, какъ я буду принять этимъ всемогущимъ человѣкомъ, къ которому я не имѣлъ официальныхъ рекомендацій, и который, насколько мнѣ было извѣстно, находился не въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ покровителемъ, М. Г. Черняевымъ. Одно слово съ его стороны и мнѣ пришлось бы вернуться назадъ, такъ какъ безъ его разрѣшенія весьма трудно переѣхать границу, черезъ которую, по крайней мѣрѣ въ этомъ пунктѣ, насколько мнѣ извѣстно, не переступалъ еще ни одинъ туристъ. Но къ счастью, я встрѣтилъ въ лицѣ генерала А. В. Комарова человѣка весьма ученаго, замѣчательнаго археолога и энтомолога и въ то же время истинно русскаго боярина, гостепрїимнаго и радужнаго. Въ его домѣ собиралось все образованное общество Асхабада и въ его семействѣ я провелъ лучшія минуты моего пребыванія въ этомъ городѣ. Археологическія коллекціи, которыя ген. Комаровъ началъ собирать на Кавказѣ, содержатъ настоящія сокровища. Не смотря на многочисленныя занятія, такъ какъ во время моего пребыванія въ Асхабадѣ совершалось весьма серьезное дѣло: мирное присоединеніе Мерва, онъ нашелъ, однако, время показать мнѣ свои сокровища и заняться со мною фотографированіемъ разныхъ предметовъ. Я былъ свидѣтелемъ первыхъ успѣховъ, вызванныхъ движеніемъ отряда Муратова, перешедшаго границу Баба-Дурмы, что вызвало присылку большой депутаціи изъ Мерва въ Асхабадъ; но мнѣ было суждено присутствовать при зрѣлищѣ, еще болѣе интересномъ.

«Я преспокойно обѣдалъ, однажды, у начальника мѣстнаго эскадрона, поручика Лопатинскаго, и мы успѣли уже опорожнить нѣсколько бутылокъ прекраснаго Кахетинскаго вина, когда его ординарецъ, черкесь, доложилъ о прибытіи 40 туземцевъ, служившихъ въ его эскадронѣ, которые привели съ собою кулъ (невольниковъ) изъ Мерва. Насъ ожидало любопытное зрѣлище: передъ домомъ поручика выстроился взводъ, только что прибывшій изъ оазиса; это были все отважные наѣздники, — верхомъ на своихъ коняхъ, въ живописномъ туземномъ одѣяннѣ, вооруженные съ головы до ногъ и покрытые, отъ дальней дороги, пылью, они представляли весьма красивую картину. У семнадцати изъ нихъ сидѣли за спиною живыя существа, измученныя, истощенныя, съ блуждающимъ отъ страха взоромъ; въ числѣ

нихъ были женщины и дѣти. Передъ нами были послѣдніе персидскіе невольники, захваченные во время набѣговъ мервцами осенью 1883 года, на границѣ персидскаго Хорасана, и возвращенные русскому правительству по требованію генерала Комарова. Эти несчастные не отдавали себѣ отчета въ томъ, что съ ними происходитъ; взятые въ плѣнъ туркменами, затѣмъ отобранные у нихъ и привезенные въ Асхабадъ другими туркменами, они лишь тогда поняли, что ихъ бѣдствія кончатся, когда имъ принесли пищу и роздали имъ одежду.

«Я оставилъ Асхабадъ въ самый интересный моментъ, когда туда ожидалось прибытіе вышеупомянутой депутаціи; А. В. Комаровъ снабдилъ меня рекомендательными письмами къ русскому агенту въ Буджнуръ и къ персидскимъ властямъ. Такъ какъ еще въ Асхабадѣ я далъ себѣ слово не оставлять этой страны, не познакомившись съ кап. Стеценко, имя котораго было тутъ у всѣхъ на языкѣ и о которомъ ходили самыя невѣроятныя рассказы, то я направился прежде всего въ Геокъ-Тепе, гдѣ жилъ капитанъ.

«Стеценко было въ то время 26 лѣтъ; родомъ малороссъ, онъ считалъ себя прямымъ потомкомъ гетмана Мазепы; красивой наружности бѣлокурый, росту выше средняго, съ изящными манерами и прекрасной осанкой, вся фигура его, въ блестящемъ мундирѣ кубанскихъ казаковъ, дышала силой и отвагой; онъ представлялъ собою замѣчательный типъ запорожца, коихъ храбрость и удалство вошли въ пословицу; будучи всего 26 лѣтъ отъ роду, онъ успѣлъ уже получить семь ранъ, и его грудь была украшена всѣми русскими орденами съ мечами и Георгіевскимъ крестомъ. Но при томъ это человѣкъ въ высшей степени горячій: будучи поручикомъ, онъ застрѣлилъ передъ фронтомъ полковника кн. О...., назвавшего его дуракомъ, стрѣлялъ въ другаго своего начальника и убилъ ударомъ кинжала одного изъ своихъ друзей. Такъ какъ вслѣдствіе его горячности, Стеценко неудобно держать въ большомъ гарнизонѣ, то его послали съ сотней въ горы, на границу Персіи; какъ истый казакъ, онъ страстный и смѣлый охотникъ, отваживающійся, между прочимъ, на охоту на страшнаго дикаго кабана, водящагося въ Копеть-Дагъ, что сопряжено съ большими опасностями».

Проведя нѣкоторое время въ Геокъ-Тепе и поохотившись тамъ вдоволь Генрихъ Мозеръ отправился далѣе, въ Персію, черезъ земли курдовъ поселенія коихъ составляютъ военный кордонъ между персидскимъ Хорассаномъ и землями, населенными туркменами. У нихъ вездѣ построены крѣпосцы и вся ихъ жизнь проходитъ въ борьбѣ съ этими беспокойными сосѣдями да въ обработкѣ своихъ жалкихъ полей. Населеніе этихъ крѣпостей принимаетъ русскихъ съ распростертыми

КУРДСКАЯ КРѢПОСТЬ.
1883 г.

ВРЪЗКА КЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ» № 4, 1908 г.

объятіями, какъ своихъ избавителей, и оно, по свидѣтельству г. Мозера, было бы весьма радо, если бы ихъ земли были включены въ черту русской границы, которая въ этомъ пунктѣ опредѣлена еще не вполне точно. За то ихъ ханы много потеряли отъ сосѣдства съ русскими; съ тѣхъ поръ какъ текинцы покорены силою русскаго оружія и аламаны ихъ прекратились, курдскій военный кордонъ значительно утратилъ свое значеніе. Въ прежнія времена, курдскіе ханы, отлично понимая какъ великіе услуги, оказываемыя ими Персіи, не обращали особеннаго вниманія на приказанія, получаемыя изъ Тегерана, и дѣйствовали самостоятельно, не платили никакой подати, говоря, что содержаніе курдскихъ кавалерійскихъ полковъ поглощаетъ всѣ ихъ доходы, но со времени занятія русскими Ахала персидскій шахъ снова захватилъ надъ курдами власть, и ханы, бывшіе до той поры независимыми владѣтелями, обратились въ простыхъ управителей, подчиненныхъ персидскимъ властямъ.

29 января Мозеръ достигъ Буджиура, резиденціи хана, владѣтеля провинціи того же названія, гдѣ онъ встрѣтилъ гостепріимный пріемъ у Іагіа-Бегъ-Таирова, русскаго дипломатическаго агента, который былъ извѣщенъ генераломъ А. В. Комаровымъ о проѣздѣ г. Мозера черезъ Буджиуръ. Отдохнувъ въ этой крѣпости и подкрѣпивъ свои силы, онъ двинулся въ Персію, перебравшись съ неимоверными трудностями черезъ цѣль Ала-Дагъ, гдѣ его застигъ страшный свѣжій ураганъ, едва не стоившій ему жизни.

«Среди этихъ дикихъ, почти неприступныхъ горъ, лежитъ курдская крѣпостца Гассоръ, построенная на южномъ склонѣ скалистаго хребта; ея четырехугольныя стѣны, построенныя изъ глины, возвышающіяся амфитеатромъ одна надъ другою, походятъ на исполненную лѣстницу; надъ ними возвышается самая цитадель, увѣнчанная коническими башнями. По другую сторону оврага тянется громада скалъ, называемыхъ курдами Кугу-Саликъ, конкъ главная вершина имѣетъ не менѣе 10 тысячъ футовъ вышины и покрыта вѣчнымъ снѣгомъ ¹⁾).

«Все населеніе деревни вышло путешественнику на встрѣчу и всѣ говорили ему единогласно, что до него ни одинъ европеецъ не бывалъ въ этой мало доступной горной мѣстности».

Послѣ утомительнаго, 25-ти дневнаго путешествія, Генр. Мозеръ достигъ, наконецъ, Тегерана, совсѣмъ разбитый и больной, и тутъ окончательно слегъ въ постель и прохворалъ нѣсколько недѣль; у него сдѣлалась жаба и страшный упадокъ силъ; однако, медицинская

¹⁾ Рисункъ: Курдская крѣпость.

«РУССКАЯ СМЕРИДА» 1886 г., т. LVIII, МАЙ.

помощь и молодость взяли верхъ надъ недугомъ; больной оправился, могъ, наконецъ, осмотрѣть городъ и явиться на ауденцію къ шаху.

Тѣ страницы разсматриваемой нами книги, которыя посвящены описанію столицы Персіи, мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ, хотя написаны столь же правдиво и интересно, какъ и все сочиненіе талантливаго и энергическаго швейцарца, тѣмъ не менѣе разсказъ его о Персіи не заключаетъ никакихъ новыхъ историческихъ данныхъ или любопытныхъ личныхъ впечатлѣній, тѣмъ болѣе, что авторъ оставался въ Тегеранѣ не особенно долго; такъ какъ все то, что авторъ говоритъ здѣсь объ обычаяхъ персовъ, о положеніи женщины, и пр., хорошо извѣстно читающей публикѣ, то было бы излишне останавливаться на этихъ подробностяхъ. Скажемъ только, что авторъ вспоминаетъ въ этихъ строкахъ съ живѣйшею благодарностью объ участіи, оказанномъ ему во время его болѣзни всею мѣстною европейскою колоніею, которая распадается на два кружка: на кружокъ русскихъ и англичанъ. Во главѣ русскаго общества, во время пребыванія Мозера въ Тегеранѣ, стоялъ русскій посланникъ, г. Мельниковъ, съ супругою, «люди въ высшей степени гостепріимные и любезные, соединявшіе въ своемъ домѣ нѣсколько разъ въ недѣлю всю русскую колонію, жившую въ столь добромъ согласіи, что она, по свидѣтельству нашего путешественника, производила впечатлѣніе какъ бы одной семьи».

Изъ Тегерана Мозеръ отправился черезъ Баку, Тифлисъ и Батумъ въ Константинополь, при чемъ посѣтилъ проѣздомъ южный берегъ Крыма; этимъ путевымъ впечатлѣніямъ посвящена послѣдняя глава его объемистаго сочиненія; не вдаваясь тутъ ни въ какія этнографическія и бытовныя подробности, онъ даетъ лишь бѣглый очеркъ этихъ, всѣмъ знакомыхъ и много разъ описанныхъ, мѣстностей и городовъ и заканчиваетъ описаніе своего путешествія пріѣздомъ въ Константинополь.

Голубыя воды Босфора и роскошная прелесть Золатаго Рога съ его дивными красотоми произвели на путешественника чарующее впечатлѣніе; онъ вспоминаетъ съ восторгомъ о немногихъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ Стамбулѣ, и этому городу посвящены послѣднія страницы его интереснаго и замѣчательно добросовѣстнаго сочиненія.

Извл. и перев. В. В. Тимошукъ.

к о н е ц ъ .
